

Елена Сперанская

**Красный
китайский
сундучок**

*Детективный
роман*

Елена Сперанская

**Красный китайский
сундучок. Детективный роман**

«Издательские решения»

Сперанская Е. Б.

Красный китайский сундучок. Детективный роман /
Е. Б. Сперанская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851969-7

В романе идет речь о криминальном прошлом обычного двухэтажного шестиквартирного коммунального дома. Там происходят зловещие преступления, наводящие ужас на самих обывателей. Из-за риска попасть в уголовные скрижали соседи назвали свой дом «Красный китайский сундучок». Следователь милиции находит пути обезвредить диверсантов, опасного маньяка и его сообщников. Все герои взяты из жизни, но имена и фамилии изменены.

ISBN 978-5-44-851969-7

© Сперанская Е. Б.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Блики смерти	6
I	6
II	13
III	19
IV	27
V	34
VI	38
VII	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Красный китайский сундучок

Детективный роман

Елена Борисовна Сперанская

Красота есть гармония; в ней залог успокоения...
Д. М. Достоевский

*Он из Китайского моря
привез в своем сердце рыбку.
Порою она бороздит
глубины его зрачков.
Моряк, он теперь забывает
О дальних, дальних тавернах.
Он смотрит в воду.
Два моряка на берегу.
Ф. Гарсиа Лорка¹*

© Елена Борисовна Сперанская, 2017

ISBN 978-5-4485-1969-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Блики смерти

Смерть и я – на виду у смерти.

Человек одинокий, и рядом

очертанья маленькой смерти.

Песня о маленькой смерти

Ф. Гарсиа Лорка²

I

В дверь коммунального дома первого этажа постучался следователь – старший лейтенант Кирьянов, но никто не открывал, так как узкий коридор вел в широкую прихожую, а оттуда в другой такой же узкий проход, откуда две двери были связаны с комнатами жильцов и большой кухней с потрескавшимся каменным полом. Из кухни одна двойная дверь выходила во двор, а другая – в комнату еще одной семьи, где проживал Невежин Борис Павлович – персональный пенсионер с семьей, состоящей из трех человек – жены Нины Афанасьевны, моложе его на девять лет, дочери Насти, десяти лет и семнадцатилетнего сына Петра – студента Музыкального училища провинциального города.

Их жизнь протекала в постоянных заботах и хлопотах. Здоровье отца позволяло участвовать в общественной работе, ходить на семинары своих одногруппников, бывших коллег. Он помогал им в работе, наставляя советом и добрым словом в издательстве газеты «Местное время», где он прослужил последние двадцать лет своей трудовой деятельности, составляя репортажи и очерки о работе целевых предприятий города: Авиастроительного завода, кинокомпании, предприятий общественного питания, университета. Везде ему помогали сотрудники и руководство тех Государственных органов, куда он обращался, чтобы создать музей, провести встречу с ветеранами, кто стремился передать молодежи свои опыт, знания и трудовую дисциплину, которая очень ценилась среди подрастающего поколения.

«Странно, что никого нет...» – углубился в свои размышления молодой специалист, недавний выпускник Юридического института, кого направили на работу участковым милиционером в данный спокойный микрорайон, где обосновались в основном приезжие из разных мест граждане в одно-двухэтажных каменных и деревянных строениях, у кого было постоянное место дохода, кто обзавелся семьями.

Тогда следователь постучался в дверь, которая находилась в самом узком коридоре, соединенным со вторым этажом крутой лестницей и большой фанерной доской на щеколде, которой раньше не было. Но повесили для того, чтобы меньше было посетителей. А кто пришел, могли стучаться или громко хлопнуть фанерой, вызвав таким образом самих обитателей второго этажа на разговор. Милиционер появился у них в доме, чтобы как-то пообщаться с людьми, обитавшими по соседству с частным одноэтажным каменным, построенным из белого кирпича, напоминающим кукольный, домик, где пропала молодая женщина – воспитательница детского сада, проживавшая на квартире у бездетной пары. Но и там никого не оказалось.

Наконец следователь Кирьянов услышал шаги по цементному полу коридора, выложенному большой бордовой плиткой. Двухэтажное здание раньше было аптекой со всеми необходимыми аксессуарами такой медицинской организации: прохладным подвалом с комфортабельными удобствами, комнатами и коридорами. На первом этаже – местом для изготовления

² Перевод Я. Серпина

лекарств – фармакопей, переделанным в кухню, залом для приема посетителей, непосредственно аптечным отделом. Там проживала семья Невежина. И маленькой гардеробной комнаты для переодевания, тоже переоборудованной в жилую комнату, с окном, выходящим во двор через широкий лестничный проем, ведущий в подвал, и закрытую, застекленную квадратными формовыми изразцами, веранду.

– Кто? – спросил его мужской голос.

– Это участковый милиционер, – ответил в тон оперативный сотрудник МВД, в форме старшего лейтенанта, с папкой на молнии в руках, где он хранил материалы начатого им расследования: беседу с сотрудницами детского садика. Туда только поступила на работу, пропавшая гражданка – Безбеднова Галина – восемнадцати лет, приехавшая в город из районного центра, получив образование воспитательницы дошкольного учреждения.

Дверь открылась. Оперативник увидел на пороге скромно одетого пожилого мужчину.

– Старший лейтенант – Кирьянов, – сказал милиционер и показал свое новенькое удостоверение в раскрытом виде.

Темнота коридора не позволяла говорящим видеть друг друга, а общаться на ощупь они не привыкли с незнакомцами.

– Пожалуйста, проходите, – пригласил его войти мужчина, на висках которого не было ни одного черного волоса, а седина покрывала всю голову.

– Я по поводу исчезновения женщины – Галины Безбедновой, проживавшей на квартире у ваших соседей по улице справа. Восемь дней она не появлялась ни дома, ни у своих хозяев, ни на работе. Вы что-то слышали об этом? – спросил офицер милиции, разглядывая кухню, куда пригласил его пройти пожилой мужчина.

– У нас с теми соседями нет никаких контактов. Через высокий забор не видим, что там у них происходит... Но насколько я знаю от дочери, она как-то была у них в доме. Они разводили кур, продавали мясо и яйца на базаре. Дети везде суют свой нос. Жена говорила, что они пустили эту квартирантку, чтобы она убиралась у них, готовила им еду. Приехала она из деревни. Работала в детском садике.

– Это мы сами выяснили. Если что-то узнаете, вот мой рабочий телефон, звоните. Извините за беспокойство, – офицер протянул листок с цифрами, попрощался и ушел на второй этаж двухэтажного дома, чтобы задать те же самые вопросы жильцам.

Визит участкового милиционера заставил всех соседей первого этажа вспомнить, что они слышали обо всех подобных случаях. Вечером на общей кухне произошел крупный разговор между всеми жильцами, которые были дома. Они что-то понимали в розыске пропавших лиц. Каждый высказал свою версию.

– Мы ничего про них не знаем. Но однажды я покупала у них яйца. Очень свежие и крупные, – высказала свою версию соседка-пенсионерка – Анна Ивановна за двоих – себя и мужа – Егора Васильевича, узнав, что разыскивают пропавшую квартирантку из маленького, чистого, каменного домика, выстроенного недавно, с обустроенным во дворе курятником и конурой для собаки.

Она разогревала на старой четырех конфорочной плите ужин для всей семьи – мужа и двоих взрослых разнополых детей.

– Думаю, что она сошлась с каким-то мужчиной и переехала на другую квартиру или в другой город, – заявила моложавая продавщица овощами – Тамара, которая проживала в маленькой комнатке с семьей – дочкой и молодым супругом – загорелым атлетом.

Их дверь выходила в узкий коридор, а одно окно – на улицу рядом с входом.

– А я предполагаю, что она просто решила порвать с ними. Кто-то мне говорил на улице, кажется из дома по соседству с другой стороны, когда мы приезжали к ним по вызову из поликлиники, что у этой женщины был аборт с сильным кровотечением. Но это, возможно, сплетни... Скорее всего, наговор, – сообщила сотрудница поликлиники, прослужив-

шая на фронтах войны два с половиной года, получившая ранения и контузию – Нина Афанасьевна, когда ее надоедливых детей не было на кухне.

– Сейчас уже ничего не изменишь, поэтому милиция хочет закрыть дело. Ищут они человека долго. Все сведения соберут и отправят ее родителям в деревню, откуда она приехала к нам в город. Будут собирать вещественные доказательства. Может быть, с собакой приедут. Нам остается только ждать результатов расследования, – такая версия была высказана мужем врача – Борисом Павловичем, тем, кто встретил милиционера.

Нина Афанасьевна слушала его с пристрастием и явным одобрением.

– Что-то мне подсказывает, у нее не было врагов, а только сотрудники, – соизмеряя свои возможности на небольшом кухонном столе, где были разложены овощи для щей, сказала еще одна пенсионерка – Евдокия, которая жила напротив пожилых людей в крохотной комнатухе – клетки, перебиваясь мелкими спекуляциями.

– Виновный... – Егор Васильевич сделал паузу, – попадет сразу к нам, в изолятор, – он тихо произнес, сидя на лавке после дежурства около стола, точно в такой же позе, как сидел на работе в СИЗО, охраняя спокойствие граждан.

– При любых сложных обстоятельствах найдут виновного, – заметил философски, появившейся на пороге, студент Петр Невежин – сын Бориса Павловича.

– Кто ищет, тот всегда найдет, – процитировала его сестра – Настя – отличница, когда выглянула на кухню, заметив, что все исчезли из общей комнаты, как по мановению волшебной палочки, а ей так хотелось послушать, о чем же шла речь на этот раз, высказать свое мнение школьницы, чтобы казаться взрослее и чуточку мудрее.

Когда все версии были высказаны, жильцы по одному стали покидать кухню. Этот случай постепенно забылся всеми соседями коммунального дома, но неприятный осадок от разговора остался надолго. Никто из них не возвращался к теме о пропаже граждан в окрестностях города. Лишь однажды Егор Васильевич сообщил, что директора макаронной фабрики – уважаемого человека с высшим образованием – посадили за растрату, но это не имело никакого отношения к делу о пропаже Гали Безбедновой. Следователь больше не приходил. Жизнь мало-помалу нормализовалась.

Приближались выходные дни и праздник Первомая. Все начали готовиться, осваивая пригородные участки, вскапывая огород, сажая овощи. Никаких новых криминальных случаев не произошло за последнюю неделю, чему каждый из соседей на первом этаже тихо радовался.

С вечера Настя – долговязая девочка с бледным лицом, но правильными чертами: большими выразительными глазами, ровным носиком, пухленькими губами – собрала все свои небольшие пожитки. Она рассматривала поношенную, коричневую, шерстяную, школьную форму, которая уже была маловата, и черный, штапельный фартук. Достала синюю, полушерстяную, удлиненную юбку; белую поплиновую блузку с защипками на груди, которая очень ей шла, которой она гордилась; хлопчатобумажные, коричневые чулки и лаковые, черные туфли.

Разложив вещи перед собой, она выбирала, в чем пойти на праздник Первомая с мамой – врачом скорой помощи. Черное, колючее, драповое, осеннее пальто с вышитым воротником было настолько мало, что еле застегивалось на груди, а на шее вообще не сходилось, поэтому она решила не ужинать, чтобы выглядеть респектабельно и не бедно среди коллег и сотрудников штата больницы. Из-за этого факта она страшно робела. Ей хотелось произвести приятное впечатление на уважаемых людей с их детьми. Настя надела пальто-маломерку поверх летнего, шелкового платья с солнечным рисунком для примерки. Она недавно переболела тяжелой лакунарной ангиной, поэтому очень боялась снова простудиться, потеряв возможность появиться на улице.

– Смотрится неплохо. Ты можешь идти в нем нараспашку, – посоветовал старший брат Насти, удивляясь, что девочка росла год от года, а пальто на первоклассницу никак не подходило для десятилетнего подростка ни по длине, ни по ширине.

Настя, усомнившись в его словах, нисколько не смущаясь, рассматривала себя в небольшое зеркало.

– Ну, это мы посмотрим, – разозлилась она, так как прекрасно понимала, что в школьной форме идти на праздник некрасиво, юбка была слишком длинной, а с пальто весь наряд выглядел ужасно.

– Твое дело, – сказал семнадцатилетний юноша, артистически позируя перед зеркалом, постоянно расчесывая свои густые, темные волосы.

– Хорошо, надену старый, домашний халат, чтобы не выглядывал из-под пальто. Расстегиваться не буду, и никто не заметит, что у меня нет бального платья на выход, – сказала Настя в отчаянии, удивляясь своей худобе.

Она постоянно мечтала познакомиться с каким-то симпатичным мальчиком и подружиться. Найти своего союзника в играх, так как среди школьных товарищей происходили ежедневные стычки и драки из-за любой мелочи. И вот случай представился. Она много смысла вкладывала в понятие «дружба», поэтому очень нервничала. Дома рисовала стенную газету под названием «Дружба» два раза, помещая туда стихи Есенина и собственные сочинения, за которые в школе получила отлично. Но оба раза самонадеянно рвала на мелкие кусочки, чтобы потом вместе с мамой склеить.

Нина Афанасьевна – ее мама – высокая, интересная, шатенка с прической из длинных волос в виде валика, надевая очки, сразу предупредила:

– Придут все опытные врачи, у которых есть дети – твои ровесники. Тебе надо будет соблюдать дисциплину.

Про твердую дисциплину, которую следовало обязательно соблюдать, девочка слышала много раз в школе, поэтому немного успокоилась, но внутреннее волнение и предпраздничная тревога не прошли.

– Кто интересно придет из детей? – спросила Настя, понимая всю глупость заданного вопроса.

– Да, тебе не обязательно с ними знакомиться, – посоветовал папа – Борис Павлович – сидящий мужчина – бывший госслужащий, но пенсионер по болезни глаз.

Это заявление вывело Настю окончательно из себя, она готова была расплакаться.

«Почему не надо знакомиться со своими одноклассниками? Может быть, они сами захотят узнать, как меня зовут или сколько мне лет?», – рассуждала девочка, внутренне сжавшись, упрекая себя за любопытство, проявленное в выяснение главного своего вопроса о дружбе.

«А если меня откажут взять с собой?» – внезапно возник назойливый вопрос, от которого она никак не могла избавиться в течение всего вечера, слоняясь по комнате из угла в угол до беспамятства, мешая своим появлением каждому члену семьи.

«Мне надо проявить себя с самой лучшей стороны, чтобы зарекомендоваться перед мамой или помочь ей в чем-то по дому: постирать, вымыть посуду, пол», – пронеслась у нее в голове счастливая мысль, от которой у нее повысилось упадническое настроение. Все эти нудные, ежедневные обязанности она выполняла хорошо, но ей лично хотелось добиться похвалы, чтобы убедиться в правдивости маминых слов о своих сверстниках – детях сотрудинок.

За ужином Настя, отодвинув от себя тарелку, опустив глаза, устало сказала:

– Сегодня постараюсь обойтись без ужина. Боюсь, пальто на меня завтра не налезет.

Родители переглянулись в недоумении. Мама, не смотря на предупреждение, положила на тарелку вкусной картошки, жареной на сливочном маргарине, и поставила перед дочерью.

– Настя, обрати внимание на нашу маму. Она вернулась с фронта в звании капитана медицинской службы в одной шинели. Правда, у нее была еще доха, – отец девочки всегда ставил свою жену в пример перед детьми. – Ходила в шинели очень долго... Все обращали на нее внимание... А потом сдала в музей как экспонат. Тогда многие ходили в шинелях...

Сын и дочь всегда с радостью воспринимали эту важную информацию во время совместного обеда, ужина или завтрака. Обращался отец всегда мимо конкретного человека, но на этот раз, по-видимому, заострил внимание на пустой тарелке девочки и желании жены угодить всем членам семьи.

– И все тоже сдали шинели в краеведческий музей? – спросил Петр важно, демонстрируя свой кругозор и уважение к родителям.

– Ну почему? – удивился отец реплике любознательного взрослого сына. – Так и продолжали носить, пока не истерлась, а потом перешили детям.

Настя с тоской представила себя в перелицованной офицерской шинели.

– Многие сразу сдали в военкомат, как положено по уставу, – вступила в дискуссию мама, прошедшая Отечественную войну, заслужившая ордена и медали за все свои героические походы и боевые подвиги.

Сам Борис Павлович был послан на борьбу с раскулачиванием в период НЭПа, а в войну работал журналистом в две смены на радио и в военкомате, зарабатывая лишь на пропитание его большой семьи – кормил свою маму, брата и сестер с детьми. Все равно еды не хватало, когда умел его отец – мастер на железной дороге. Приходилось экономить на всем. Продали самое ценное: золотые украшения, книги, дорогую мебель. Перешивали старую, поношенную одежду. Работали в три смены.

В шоке Настя поняла, что доела полную тарелку калорийной еды, да еще с хлебом. Ей казалось, что никогда она не ела такого вкусного ужина.

– Познакомились мы, когда наша мама ходила в шинели каждый день на работу. И даже не собиралась снимать, – продолжил отец свое повествование, глядя, как дети в два рта умильно съели целую сковороду, приготовленного ужина и запили молоком. – Я ее уговаривал тогда переодеться в гражданскую одежду, но безрезультатно...

– Все мы знаем эту историю, – сказала мама, польщенная рассказом.

Настя не знала, что ответить взамен такого красивого прошлого. Ее восхищало слово «доха», которое вызывало у нее массу положительных эмоций. Она представляла что-то необыкновенно пушистое и теплое, поэтому, вздохнув, сказала:

– Теперь точно поправлюсь на килограмм и не влезу ни в одно платье. Это старое пальто, хотя оно выглядит еще хорошо, не сходилось у меня на груди.

– А ты что в положении, чтобы поправляться? – спросил бесцеремонно ее брат – Петр, добиваясь, чтобы ему положили добавки.

– Никто не должен обращать на тебя внимания, – строго добавил отец, обращаясь к дочери.

Настя опять испугалась, что вдруг мама отменит их взаимный договор о выходе в светское общество коллектива железнодорожной больницы.

– Возможно, похудею до завтрашнего дня, – вслух вообразила Настя для самоуспокоения, убирая со стола, а затем старательно отмывая посуду после ужина на кухне.

– Ну, это вряд ли, – изрек корректно отец, обращаясь участливо к дочери.

Вечер для всех членов семьи закончился благополучно в надежде, что мама завтра испечет сладкий пирог с вареньем из яблок и кулебяку с капустой и рыбой после демонстрации.

Так и не получив сладкого пирога на ночь за старание, девочка уснула в предвкушении счастливого момента знакомства с любым мало-мальски разговорчивым школьником среди праздничной процессии с флагами и шарами, куда она собиралась появиться впервые в ее ученической жизни.

Цветные шарик, надутые папой, сразу сдулись, так как не нашлось подходящей нитки. Сама Настя не могла надуть.

Утром Настя разобралась еще раз в небольшом запасе туалетов. Остановив свой выбор на летнем платье с солнечным рисунком, рискнула все-таки надеть сверху черное, драповое,

перешитое пальто на шелковой подкладке. Но рукава явно смущали. Они были чуть выше запястья. Она решила, что можно будет положить руки в большие карманы с вышивкой такой же, как на воротнике. Карманы находились как раз на талии, поэтому держать руки в них постоянно выглядело бы слишком вызывающе.

Мама Насти тоже разоделась в пальто цвета морской волны. Серьезной опасности простудиться не было. Погода установилась солнечная. Немолодая пара очень упитанных людей – соседей по коммуналке – в домашней одежде высыпали на кухню, восторгаясь видом своей соседки и ее дочери с большими белыми бантами: муж – сотрудник органов внутренних дел, жена – рабочая Молкомбината.

– Выглядите обе прекрасно, – в один голос стали говорить соседи.

Не глядя на себя в зеркало, Настя с мамой – участницей войны – ринулись к месту сбора колонны демонстрантов.

На майской демонстрации собрались все сотрудники железной дороги, включая врачей, медсестер и фельдшеров. Врачи больницы шли особняком. С гордостью, размахивая транспарантами и плакатами, прошла профсоюзная организация, а за ними потянулись преподаватели и учителя профессионального образования. Настя заметила, что все мамины сотрудники были без детей, лишь одна миловидная женщина стояла с мальчиком, с виду лет десяти, то есть ее ровесником. Он широким жестом и с благосклонным видом вручил ей шарик.

– На, возьми, дарю! – произнес он в приподнятом настроении.

– Спасибо, – поблагодарила Настя, обрадованная изумительным началом праздничной демонстрации, упрекая себя, что зря она нервничала вчера и переживала относительно появления детей сотрудников.

Все на самом деле выглядело прекрасно. Она с радостью отреагировала, поняв, что у этой встречи должно быть продолжение, но мальчик оказался мало разговорчивым. Они познакомились друг с другом в продолжение небольшой паузы, пока демонстрация выжидала входа на площадь на углу пересекающихся улиц.

– Меня зовут, Саша, – вклинился мальчик в ход Настиных спутанных мыслей.

– Настя, – ответила она, стараясь вытянуть укороченный рукав.

Разговор перешел на профессиональную тему, чем занимались родители, кем они сами собираются стать в будущем, когда окончат школу, техникум или вуз.

– Я хотела бы быть актрисой, – Настя тут же сообщила первое, что пришло ей в голову, наивно предполагая, что актерское призвание наилучший способ найти друга.

– А мы, возможно, покинем страну и уедем отсюда в Израиль, но не скоро... – сказал Саша, улыбаясь своей симпатичной спутнице. – Сначала надо окончить школу с отличием, а потом получить высшее образование. Надеюсь стать биологом или врачом, как мама.

– Здорово! – поддержала его Настя.

– Но мне совершенно не хочется уезжать в другую страну, где я никого не знаю, – он пояснил вежливо.

Глубокое разочарование и грусть проникли под сознание девочки, так как она увидела в сыне сотрудницы своего союзника, с кем расставаться ей бы ни за что не хотелось, тем более переезжать с ним или кем бы то ни было в другую страну. Она была очень назойливой и привязчивой. Часто брала на себя взрослую обязанность покровительства, любила вникать, как следователь милиции, во все слухи, витающие вокруг различных знаменитостей, исчезновения граждан, убийств и смертельных случаев непредсказуемого характера.

– Хорошо, что мы познакомились, – вслух сказала Настя, а потом добавила, чтобы не казаться слишком глупой, назначая сразу свидание по-взрослому, – хотела бы с тобой встретиться когда-нибудь. Ну, лет, предположим, через несколько...

Удивленный Саша, казалось, не понял, о чем она говорила, поэтому промолчал.

– Через сколько лет ты надеешься, мы встретимся? – вдруг спросил мальчик, чтобы уточнить сроки ожидания.

– Лет через пятьдесят на этом же месте, – наобум ответила Настя, испугавшись своих слов.

Она быстрее хотела закончить выяснять, понял ли он шутку или нет. Вокруг играла музыка аккордеона, некоторые танцевали или пели. Родители взяли детей за руки, чтобы они не отделялись от коллектива. Майская демонстрация прошла быстро через городскую площадь и успешно завершилась. Все разошлись по своим домам.

По пути Настя обдумывала свои впечатления. Она никак не могла понять, что же все-таки произошло, надо ли ждать столько томительных лет встречи с милым мальчиком, у которого такие приятные глаза и чудесные манеры.

«Дождусь своего друга обязательно, – твердо решила Настя. – Жаль только, что встреча произойдет не так скоро, как мне этого хотелось бы. Надо долго учиться, получить хорошее образование...»

Вернувшись домой в свою коммунальную квартиру, засыпая от усталости, она села за праздничный, накрытый белой скатертью, дубовый стол с фигурными ножками, как у рояля. Мама поставила на середину тарелку с душистым пирогом, испеченным ею на обед и поделенным на несколько равных частей.

– Какой красивый пирог! – восхитилась Настя.

– Нравится? Значит, ешьте, – сказала мама весело.

Глаза ее сияли от радости и счастья. Каждый член семьи съел кусок сладкого пирога с яблоками.

II

На следующей неделе, когда праздники миновали, к ним на первый этаж опять наведалься следователь – старший лейтенант Кирьянов, когда детей не было в коммунальной квартире. Он снова стал задавать те же важные вопросы, выясняя обстоятельства криминального дела.

– Надеюсь, что никто больше не пропал, – пошутил Борис Павлович, когда так же, как в прошлый раз, встретил участкового милиционера в форме.

– Нет никто. У вас есть какие-то свои версии исчезновения женщины? – спросил следователь Кирьянов, понимая, что со временем события должны проясниться.

– Жена говорила, что слышала от соседей с другой стороны их дома, что у пропавшей Галины был аборт с сильным кровотечением. Будто тот факт она тщательно скрывала от посторонних глаз и ушей. Возможно, у нее был любовник на стороне, который не хотел на ней жениться. Из-за этого она могла покончить жизнь самоубийством, – предположил пенсионер, взвешивая в уме вероятное стечение роковых обстоятельств.

Следователь Кирьянов задумался, вспоминая некоторые обстоятельства поведения соседей Бориса Павловича по второму этажу: семьи Романенко – отца – мясника на рынке; матери – педагога в интернате для слаборазвитых детей – будущих певцов, артистов; бабушки – портнихи. Их красивый сын Валера недавно вернулся из армии, а дочь училась в детском доме. Татар Тугушевых: отца, подрабатывающего окраской кожи, матери – цыганки, предпочитающей предсказывать прекрасное будущее, вместо осуществления настоящего, чей сын учился в том же интернате, где работала мать Романенко. Он был тезкой их отпрыска, но, напротив, избежал армии из-за воровства и хулиганства, попав в исправительную колонию на три года, а дочь зарезала своего одногодку-любownika, чтобы отомстить за свою невинность, который снимал с нее порнографическое фото. Она продумала все детали кровавой расправы – криминального преступления, но не учла единственного момента, что сама от страха за свою судьбу, предупредила заранее всех соседей и родственников обеих этажей дома о своем готовящемся нападении, получив в итоге десять лет колонии строгого режима.

Этот квадратный, угловой дом из красного кирпича с его хитросплетениями и обитателями напоминал милиционеру красную китайскую табакерку или сундучок, чем очень давно торговали китайцы, заезжие по Волге из Астрахани через Азию. Они раздавали бесплатно детям маленькие призы с учетом, что их родители заплатят сполна за капризы чад.

Вскоре, распродав все сувениры: сигареты, шарики, свистульки, они отдали оставшиеся сюрпризы оптом за небольшое вознаграждение странствующим актерам, чтобы продолжили традиции. Те в телегах, запряженных лошадьми, развозили по улицам подарки, предупреждая о своем появлении на рынке, куда направлялся следом. Такая распродажа нравилась всем без исключения. Барышник появлялся неожиданно, расхваливая на все лады свой товар, включая самую дорогую, изумительную шкатулку, покрытую красной тафтой, с зеркалом. Чем дети могли только любоваться. Но однажды нашелся покупатель – взрослый парень, проживавший в одноэтажном доме на противоположной стороне, где жила Настя. Он при всех купил за десять рублей шкатулку для своей невесты к свадьбе, а барышник пообещал девочке, что эта вещь обязательно вернется назад ей, так как у нее, как он сказал: «Самая красивая улыбка, и она выйдет замуж за моего сына», но смазливая подружка по улице Оля даже прокатилась на телеге за поцелуй с будущим статистом американской киностудии.

– Вот нам нужны хотя бы такие факты. А то на работе и по месту жительства вообще ничего не хотят говорить. Думаю, что личная ориентация в этом деле сыграла решающую роль, – заумно выразился милиционер.

– Симпатия – это еще не все в жизни. Если она делала аборт, то психическое здоровье было подвергнуто риску. Надо, полагаю, выяснить у подруг или знакомых, с кем пропавшая

жиличка соседнего дома делилась своими надеждами, и кто мог «помочь» совершить ей что-то страшное, – добавил Борис Павлович на основе своего жизненного опыта.

– Спасибо. Пройдусь до тех соседей, о ком вы говорили, чтобы уточнить кое-что, – поведал участковый милиционер о своих планах.

– Приходите, пожалуйста, если что-то надо будет выяснить. Мы живем открыто, – посоветовал Борис Павлович, дожидаясь, когда дочь вернется из школы.

Следователь ушел, а дело о пропаже Галины Безбедновой в милиции вскоре было закрыто. Все соседи решили, что его отложили в архивную папку за недостаточностью выясненных обстоятельств криминального расследования.

Настя быстро подросла, забыв предсказания барышника, который вскоре продал лошадь, а на эти деньги улетел в Голливуд сниматься в эпизодических ролях, чтобы заработать на новый автомобиль. Небольшая надежда встретить своего принца на белом коне у девочки оставалась.

Она записалась в секцию фигурного катания в Детском парке. У них начались серьезные и трудные тренировки с опытным наставником – Мастером спорта по скоростному бегу на коньках на длинные дистанции и хореографией. Эти занятия проходили в балетном классе под руководством выпускника Хореографического училища. Иногда его замещала подруга и дублерша Галины Улановой – балерины с мировым именем – мачеха хореографа. Парень приезжал на белой Волге, подаренной отцом-барышником, вернувшимся из США. Он обратил внимание на Настю, за старание и манеру держаться у станка, но она дала понять, что танцевать на сцене не собиралась. Зато мечтала стать кинозвездой. Он два раза провожал девушку до дома, следуя по пятам за ней, чтобы узнать, где она жила.

Брат Насти – Петр выследил нового поклонника своей сестры. Они тут же подрались с хореографом, катаясь по земле в пыли и песке, как Ромео и Тибальд в трагедии Шекспира. К счастью все обошлось без смертоубийства, но кровавые носы и губы раскрасили их внешность, придав мужественности.

Мачеха хореографа напутствовала своего пасынка словами: «Никто не подарит кулич к Пасхе, если сам его не испечешь, поэтому жди пока твоя невеста вырастет. Тогда будешь думать о свадьбе». Она была женщиной строгой, направив своего заместителя зарабатывать хлеб насущный и деньги для своего процветания за границу, как было принято в их среде. Хореография не закончилась, но симпатичный и стройный педагог уехал в Венгрию на заработки, предупредив своих будущих родственников о готовящемся возмездии с его стороны. Всех девушек секции фигурного катания встречали родители, боясь повторения истории, которая произошла с Настей, завидуя ей, что у нее судьба так быстро сложилась перед ее ногами в символических рисунках стрел и цветов, сделанных мамой в порыве нежности.

Однако однажды на секцию встречать девушек пришел с любовницей и ребенком очень высокий и самонадеянный хирург – крестный Насти – светловолосый и крепкий мужчина лет под сорок. Они дождались окончания занятий, стоя за дверью, восхищаясь стройностью юных балерин. Тут же прибежала жена и одновременно сестра крестного, чтобы прекратить, внезапно нахлынувшие, эротические чувства на любовников. Они стали спорить за право называться крестной-матерью Насти, а та, заподозрив их в измене, убежала одна домой, предоставив самим разбираться в их сложных фригидных отношениях с инцестом и кровосмешением. После этого позорного случая девушке ничего не оставалось делать, как бросить занятия фигурным катанием в Детском парке, записавшись в оздоровительную группу такой же направленности в Дворце спорта на другом конце города, куда она добиралась на трамвае.

Быстро пролетело лето. Из маленького белого домика, где снимала комнату пропавшая нянечка яслей, никто больше не обращался в милицию, но просачивались периодически жуткие слухи, что все трое обитателей аккуратной юдоли вылетели в трубу, оставив курятник и трех уток на попечение младшей сестры бывшей хозяйки. Криминальный случай постепенно утратил свою новизну, но оставался на рассмотрении у следователя Кириянова в особой папке.

Вездесущие соседи пришли к единому мнению, что дело находится в ожидании новых свидетелей, но интересоваться результатами и сделанными выводами никто из них не стал. Подросток – Настя, проживавшая на первом этаже, часто посещала спортивные секции по плаванию и фигурному катанию с подругами. Искусственный лед весной и осенью был для платных групп. В их группе тренер большое внимание тоже уделяла хореографии. Все молодые спортсменки стремились сдать на разряд и придумать спортивный танец под музыку, но тренер сразу всех предупредила, что надо сначала откатать школу, то есть научиться рисовать на льду восьмерки и параграфы. Усиленные тренировки укрепили характер девушек.

Мама перешила Насте из зеленой шерстяной юбки короткое платье для фигурного катания на катке зимой.

– В воскресенье у нас дополнительные занятия утром на льду, – сказала она как-то, обращаясь к отцу. – Кататься надо до двенадцати, пока лед будет свободный, а потом придут хоккеисты. Пойдешь со мной посмотреть? – спросила она, чтобы доказать, что у нее есть положительные успехи в данном виде спорта, так как отец однажды похвастался перед родственниками, что у дочери прекрасные способности.

– Пойду, – ответил отец девушки, заметив тягу дочери к спорту.

Зимним воскресным утром они долго собирались. Наконец к одиннадцати часам добрались до катка, огороженного металлической сеткой. На морозе было трудно затягивать коньки. Да еще платье сильно тянуло, так как она надела его поверх кофты. Она отдала искусственную каракулеву шубку отцу в руки, а белые сапожки поставила рядом.

– Разгонюсь и согреюсь, – сказала она, поправляя вязанную белую шапочку и варежки.

Вид у нее на фоне сверкающего белого льда и огромных сугробов по периметру катка был очаровательный. Вскоре на этом месте выстроили высотную гостиницу с рестораном и спа-салонам. Рядом появился дворец «Кристалл» с искусственным льдом, где готовили прославленных мастеров спорта.

– Не торопись, а то поскользнешься, – пошутил отец. – Показывай, что ты умеешь.

– У меня пока нет музыкального сопровождения, но буду кататься без музыки, – предупредила она важно, намечая предстоящие соревнования, к которым все стремились.

– Ты мелодию потом подберешь к своему танцу, – посоветовал отец серьезно.

– Надеюсь, – сказала Настя, начав свой вираж по кругу.

Она сделала несколько оборотов, повторила изученные движения. Затем дорожкой перешла к небольшим прыжкам, названия которых ей еще были мало известны. Снова повторила вращение, волчок и все па, изученные на хореографии, закончив свое выступление шпагатом на льду.

Солнце, едва появившись из-за облаков, исчезло. Морозец выдался сильный. Холодный ветерок развеял все надежды на потепление.

– Надо повторить все, что нам показывали, – потребовала она внимания со стороны публики, которая появилась внезапно, тоже желая покататься и получить удовольствие от спортивной тренировки.

Дети врассыпную бегали по льду, мешая исполнять нужные фигуры. Вскоре они набаловались, закидались снежками, смеясь, усадились на бордюр отдохнуть.

– Вот видишь, и первая публика появилась, – обрадовано сказал отец, притоптывая на месте от холода, – покажи всем, на что ты способна.

Разогревшись от быстрого виража, Настя прокатала свою произвольную программу еще раз. Запыхавшись, подъехала к отцу после исполнения шпагата на белом пространстве льда, изрезанного коньками, с рывками и ухабами. Платье для фигурного катания напоминало ей о зеленой листве лета. Она получила огромное удовольствие от тренировки под руководством опытного наставника.

– Вижу, что у тебя хорошие успехи. Ты доказала, что умеешь кататься, – похвалил дочь-спортсменку отец.

– Пойдем домой, а то ты совсем замерзнешь, – посочувствовала она отцу, заметив, что стоять около часа на морозе не слишком приятно.

Она снова переоделась, накинула шубку, схватила коньки в руки, побежала вперед. Теперь у нее появилась неотвязная надежда, что спортивный разряд ей обеспечен, хотя до Мастера спорта было еще далеко, тем более принимать участие в Международных турнирах, о чем она иногда мечтала.

– Хорошо научишься кататься на коньках, будешь участвовать в соревнованиях, – сказал отец по дороге домой.

– Надеюсь освоить главные элементы, а затем перейти к второстепенным, – заметила она, как опытная фигуристка.

– Какие у тебя отношения с подругами? – спросил отец настойчиво.

– Нормальные, – ответила Настя радостно, понимая, о чем шла речь. – А что?

– Всегда нужен хороший тренер и отличная спортивная форма, – продолжил он серьезно, как член родительского комитета школы и класса.

– У нас разные интересы в учебе, а на фигурном катании – постоянно менялся состав группы, – объяснила она здраво.

– Это, верно, так всегда бывает, – философски заметил отец. – Ты можешь привлечь своих школьных друзей и научить кататься так же, как ты сама, – предложил он.

– Да они сами не хотят, – сказала Настя в ответ, довольная, что тренировка прошла успешно.

– Ну, это ты зря, они, видно, заняты чем-то более важным, – сказал он, когда они зашли в трамвай и заняли места.

Настя добросовестно заплатила за свой проезд, так как у отца был бесплатный проезд, как у ветерана труда. Он достал из кармана и развернул местную газету, где в свое время трудился. Он всегда с интересом читал политические, местные, сельскохозяйственные новости, ежедневно дочитывая до точки каждую статью, а затем обсуждал с соседями. Она не любила делиться своими школьными делами с родителями. Вполне устраивала ситуация: быть среди отличников класса.

– Говорят, что у нас в городе нет хороших тренеров. Все лучшие спортсмены уехали в Москву, – проговорила она, желая перейти на другую тему – ближе к спортивным достижениям мастеров.

– Это возможно, – ответил он, убирая местную прессу в карман пальто.

– Ты же смотрел мировые чемпионаты и соревнования по фигурному катанию. Какие там замечательные пары! А среди женского одиночного катания почему-то нет чемпионов, – подсадовала девушка.

– У тебя будет еще время потренироваться в этом году, – успокоил отец, когда они вернулись домой.

– Если хочет заниматься среди чемпионов, пусть едет и живет в Москве одна, – продолжил старший брат – Петр – развивать спортивную тему, когда узнал, что сестра вырабатывала волю, стремясь достичь результатов в соревнованиях, посещая секцию, преодолевая жизненные трудности.

Сестра с отчаянием поняла, что поездка в столицу и занятия с именитыми тренерами ей не грозят в ближайшее время, но если не торопиться, как говорил ей отец, то можно получить отличные спортивные навыки.

– Куда я поеду одна? – спросила Настя наиграно разочарованно, обращаясь к членам семьи, но никто не обратил серьезного внимания на ее вопрос. – Где буду жить? Школу надо будет бросать... Переходить в другую... – загрустила девушка.

Она села на большой, старинный диван со светло-коричневой, гобеленовой обивкой. Положила ноги на сиденье, а сама оперлась об округлую спинку с деревянной полочкой, покрытой длинной вышитой салфеткой, на которой стояла мамина алюминиевая пудреница с голубой цветочной вставкой из скани, розовая пластиковая шкатулка для писем с розой в крышке, а в середине красовалось старинное детское фото отца, сидящего на деревянной лошадке. Эта картинка была вставлена в светлое матовое обрамление и установлена на маленьком пьедестале.

Настя периодически, в зависимости от настроения, перекладывала мелкие вещи с места на место, восхищаясь в душе, сделанной мамой, яркой вышивкой. Подобная вышивка, но чуть больше, лежала на пианино. На четырех стульях, стоящих вокруг стола, обитых черным дерматином, в свое время были надеты белые чехлы, а на спинках чехлов красовались вышитые букеты незабудок. Эти чехлы просуществовали ровно один сезон, но быстро порвались. Потом были выброшены самой мамой в огромный деревянный ящик во дворе, в назидание больше никогда не притрагиваться к иголке и нитке. Лежали чехлы где-то, или кто-то взял их, зашив для использования? Никто не знал. Однако Настя сохранила в тайне от всех один экземпляр вышивки для себя на память.

Сидя на диване, она всегда старалась расположиться прямо под газетницей с полуметровым изображением восточной красавицы в белом высоком тюрбане, синих шароварах, зеленых чулках, белых, переплетенных шнурком, чулках, желтой, атласной, с красной каймой и широкими рукавами кофте поверх шелковой розовой сорочки. Узбечка, стоящая на терракотовом фоне, вышитой картинке, в руках над головой держала плетеную светло-желтую корзину полную изысканных фруктов: дыня, виноград, гранаты, яблоки, груши. Это оригинальное изображение состояло из маленьких кусочков ткани, плотно сшитых воедино в виде детской аппликации. В дни болезни, девочка, глядя в потолок, рассматривала эту картинку. Она вспоминала о рукоделии, разных видах вышивок, вязании крючком, спицами, штопанье, шитье, все то, чем можно было заполнить ей досуг, когда температура спадала, и чему научила ее мама.

– Да, конечно. Всегда появляются преграды, но с ними можно и даже нужно бороться, – сказала мама строго, заметив плохое настроение у дочери. – Надо добиваться цели, поставленной впереди себя ... – она решила по-дружески подбодрить не падать духом.

Настя вспомнила девиз из книги «Два капитана» Каверина, которую прочитала в летние каникулы: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Она понимала, что мама для нее может быть единственным человеком для подражания.

– Пусть едет, куда хочет, – посоветовал брат, лстиво выискивая способ договориться с сестрой, никогда больше не болтать по пустякам, чтобы не было жалоб родителям на глупое поведение другой стороны, дабы избежать недомолвок и обид.

– Почему ты сам не поедешь в Москву? – спросила Настя, негодуя.

– Слишком хлопотное это дело, – ответил глубокомысленно Петр, страстный поборник чести.

В стенах коммунальной квартиры он старался принять посредническую позицию вместо того, чтобы заняться своими скрипичными музыкальными упражнениями для подготовки к вступительным экзаменам в консерваторию или найти место, где можно применить свои таланты.

– Там у нас есть родственники. У них нет детей. Можно остановиться жить в их квартире на первых порах, – предложил отец рассудительно, а мама с грустью посмотрела на своих детей, которых она видела не слишком часто из-за своей ответственной работы в больнице.

Настя с усталостью оглядела родные пенаты, засыпая, ругала себя за нерасторопность и отсутствие такта по отношению к родным: «Как я брошу родителей? У меня не хватит ни сил, ни денег на дорогу. Чтобы жить в незнакомом городе, нужны связи. Этих столичных родственников я совсем не знаю. Ну и что, что у них нет детей? Они не понесут ответственности

за меня. Вообще, правильно сказал брат, что „это слишком хлопотное дело“. А как бы было здорово и весело познакомиться с москвичами!» – осенило ее под конец.

III

Три школьные подруги, о которых говорил отец, готовились к предстоящим Новогодним праздникам. Настя разрывалась на части. Осенью она записалась еще в театральный кружок, когда прошла три отборочных тура: пантомима, басня и стихотворение. Соседи одобрили выбор девушки, сообщив всем о ее легкомысленном решении, включая второй этаж. Мясник Романенко захотел лично прийти на спектакль и внести свои дополнения в репертуар детского театра, пугая своим свирепым выражением лица.

– Подожди, приду с работы и разберусь со всеми вами, кто, чем занимается. Кто прошел, куда по конкурсу и сколько стоит дать взятку в театральный кружок, чтобы посещать вместе с детьми из интерната, – объяснил он Насте, когда она пришла с первого тура.

У девушки не было слов на такое едкое заявление, поэтому она не понимала о какой взятке шла речь, а лишь молча, со страхом снесла обиду в свой адрес. Но к величайшему удивлению всего «красного китайского сундучка», как этот дом окрестил следователь Кириянов, мясник Романенко был убит на следующий день у себя на работе, прямо за прилавком. Его обнаружили мертвым, когда закончилась смена. Все продавцы, сидящие рядом, подумали, что он спал, наклонившись головой на колени, в естественной позе уставшего человека. Такого поворота событий никто из его коллег не ожидал. Но завели уголовное дело, которое снова было поручено сыщику Кириянову, а эксперт Семенюк лишь обследовал труп, пригвожденный ножом к стулу. Тело мясника привезли в морг, оставив на контроле у всего райотдела милиции. А на его место за прилавок в рынок устроился красивый сын Валера, вернувшийся из армии после двух лет службы.

На самом деле жюри состояло из руководителя студии Дворца пионеров, выпускницы театрального факультета – Натальи Иосифовны и пожилого автора постановок для детей – Василия Петровича. Оба преподавателя строго оценивали способности конкурсантов. Настя была ужасно рада, что не надо было петь на прослушивании, так как боялась сфальшивить. Играть ни на пианино, ни на скрипке она к своему огромному стыду не умела, а только любила слушать в отличие от тщеславного старшего брата, освоившего и то, и другое одновременно.

«Песня о буреветнике» Горького и басня «Ворона и лисица» Крылова были у нее в памяти из школьной программы. Она выразительно рассказала оба произведения классиков. Для пантомимы подобрала короткий эпизод кокетливой девушки, красящей губы, лукаво подсматривающей в зеркало за прохожими. Опытному педагогу понравилась такая мизансцена, как встреча и знакомство с главным героем в новой постановке, вынесенной на рассмотрение.

Этот небольшой сюжет потом пришлось обыграть на авансцене в спектакле «Судьба барабанщика» А. Гайдара о трудной жизни подростка в семье, где отец вернулся из тюрьмы через несколько лет, отсидев за воровство, а все его родственники отстранились, включая бабушку и мать мальчика. После долгих и кропотливых репетиций спектакль, наконец, был поставлен на главной сцене Дворца пионеров. Пьеса имела трагическое содержание, вызывая слезы даже у взрослой аудитории. Участники были в костюмах и платьях послевоенного периода. Одаренные и дальновидные кружковцы играли с огромной самоотдачей, получая только положительные отзывы общественности города.

В детской группе существовало два состава: первый, руководимый Натальей Иосифовной и второй, где занятия проводили старшие студийцы. Каждому после окончания детской школы-студии Дворца пионеров предоставлялась возможность поступить на Театральный факультет без экзаменов после трех лет обучения, только требовалась положительная характеристика руководителя за подписью директора. Об этом узнала Настя, когда весной стали раздавать слонов. Все без исключения кружковцы из старшей группы, кто стремился стать артистом театра, прошли без трудностей в московскую «Щуку», то есть поступили в Театраль-

ное училище имени Щукина, которое очень высоко котирировалось, поставляя кадры на радость всем любителям драматического и кукольного искусства. Некоторые из студийцев поступили в провинциальное Театральное училище вместе со столичными абитуриентами. Конкурс был настолько серьезным, что требовался ни один год занятий с репетитором за большие деньги. Настя увидела превосходство этого кружка, с сожалением осозная, что у Натальи Иосифовны были свои «любимчики» – подростки из интерната, кому она доверяла ведущих персонажей. Не смотря на это, девушка посещала Дворец пионеров регулярно. Два раза в неделю устраивались отдельные занятия, где они с воодушевлением сначала упражнялись в пантомиме, повторяя свои пародии, а затем им всем распределили роли. Репетиции нравились каждому кружковцу.

На стенах были развешаны два стенда с фотографиями прежних лет – выпускников Театрального училища, известных актеров сценических подмостков, кино и арены цирка в различных творческих жанрах, кроме дрессуры. Они посещали ранее кружок, были лично знакомы с Натальей Иосифовной.

В первый день вновь принятые кружковцы расселись на бордовые бархатные низкие банкетки, расставленные по периметру комнаты. Прошла перекличка. Предварительно все дети перезнакомились друг с другом. Между ними завязалась крепкая дружба. Комната, где занимались подростки, была просторной и светлой, с большими окнами, на которых висели легкие занавески. Эти портьеры в первый день занятий юноши сняли с окон и раздали девушкам для стирки. Насте, к счастью, тоже достался такой трофей.

– Принесете шторы чистыми, когда сможете ... – сказала педагог, – можете не торопиться. Спешки никакой нет.

– Сделаем на этой неделе, – загалдели подростки. – Не беспокойтесь, Наталья Иосифовна, – таким образом, они выражали единодушное уважение, скорее, трепет перед умной и талантливой женщиной.

– Я вас учу жизни, – постоянно говорила она. – Потом мне спасибо скажете, когда будете сами взрослыми...

Но становиться взрослыми никто из ребят не хотел. Они бегали друг за другом, обнимались, иногда целовались в темном уголке перед выходом на сцену между задниками или кулисами, становились «на уши», гримировались около большого трюмо в прилегающей комнате с хранящимися там софитами и стульями, раскиданными в художественном беспорядке.

Паркетный пол обеих комнат – гримерной с трюмо и комнаты для занятий – всегда был аккуратно натерт бордовой мастикой. Все декорации хранились где-то в подвале, а худрук всегда теряла ключи от своего кабинета. Всем вместе приходилось искать нужный предмет, чтобы найти сценарий, который, как назло, лежал на столе в ее уютном кабинете, а только затем приступали к репетиции спектакля, написанного давним другом – Василием Петровичем.

Старшая группа, те, кто уже несколько лет посещал кружок, но еще не поступил в Театральное училище для получения диплома, так как перевоплощаться молодые дарования научились сразу, на ходу отрабатывали тексты диалогов и монологов, сценическую речь, репетируя до самого позднего вечера, сразу после занятий вновь принятых. А новенькие ждали счастливого момента, когда им тоже дадут мало-мальски незначительную роль, пусть даже без слов, а лишь пантомиму.

В тот первый день, когда всем подросткам, прошедшим отбор, разрешили идти домой, Настя с сумкой в руках, в которой лежал трофей-занавеска, наткнулась в «кармане» сцены, где стояло пианино, на «рояль в кустах». За музыкальным инструментом сидел, нещадно разбивая на все лады длинными сухими пальцами, худощавый, в сером костюме, кудрявый незнакомец, похожий на всемирно известного музыканта – Вана Клиберна. Он репетировал какую-то сонату.

– Приятно было послушать. Играете очень хорошо, – испугавшись интимной обстановки, пролепетала Настя, ввергнутая композитором в шквал личных переживаний.

– Сыграть что-нибудь еще? – спросил он скромно.

– Нет, не надо, – отозвалась Настя, локтем облокотясь на инструмент.

– Хорошо, я буду репетировать дальше. Готовлюсь к выпускным экзаменам в консерватории, – сказал он, наблюдая за слушательницей и поклонницей его таланта.

– Вы могли бы учиться в Москве... Не хотите туда переехать? – спросила девушка, затронув болезненную для нее тему.

– Зачем? Мне и здесь хорошо. Скоро возможно поеду на гастроли за границу... – ответил он безапелляционно.

Эти слова сразили Нелю наповал, но она решила выдержать дальнейший удар. Ей стало стыдно, что должна еще перестирать занавеску, принести сюда, поэтому спрятала сумку с ношей внизу около пианино, так чтобы занавеска не выпала наружу.

– Да, у вас будет отличная карьера... – ответила девушка, вспоминая при этом своего одаренного родственника-скрипача, мечтавшего затмить самого Когана.

– А что это ты прячешь внизу? – спросил пианист, отдыхая перед повторением нового музыкального экзерсиса.

– Да, ничего особенного, – ответила она, стушевавшись, чувствуя, что краснеет впервые в жизни, но эгоистично не с кем поделиться подобной проблемой. – Мне надо идти, извините, пожалуйста, за беспокойство.

– Ничего, я тоже скоро ухожу домой, – заметил он второпях, приступив к репетиции следующего произведения классика из своего репертуара. – Можешь остаться... Буду играть только для одной тебя. Здесь уже давно никого нет...

Настя, как замороженная, слушала многоголосую «Лунную сонату» Бетховена в исполнении талантливого пианиста, стоя рядом за инструментом. Ее задел фамильярный тон, но она сделала скидку на одаренную игру музыканта.

– У нас дома стоит пианино брата, он собирается поступать в консерваторию, а я играть не умею... – высказалась она в конце его выступления, терпеливо дослушав до конца, добиваясь хотя бы его снисходительной улыбки. – Большое спасибо.

– Пожалуйста, – пианист улыбнулся, встал со стула, принимая артистическую позу.

Насте надо было срочно идти домой. Приглашать к себе в коммунальную квартиру малознакомого человека у нее не было на то разрешения родителей. Поэтому она смирилась и отправилась одна, придумывая объяснение для своего такого позднего появления под родной крышей.

– Вот дали постирать, – с порога сказала она, показывая маме пыльный «подарок».

– Наливай воду в таз и стирай, – заметила мимоходом ей мама.

У Насти оставалось еще масса несделанных уроков. Она быстро справилась со стиркой, а весь дальнейший вечер читала гуманитарные предметы, так как математику всегда, по старинной привычке, делала рано утром.

Когда в следующее занятие она принесла в кружок занавески, то Наталья Иосифовна на правах доброй феи организовала укрепление штор на чистых окнах. Затем стали выяснять, кто, что может принести для реквизита из дома или купить в магазине. Оказалось, что требовалось огромное количество предметов быта: тарелок, ложек, кастрюль, скатертей, ваты, бинтов и других вещей. Начали записывать по желанию, у кого, что было лишнее или в большом количестве, так как были приняты без конкурса дети работников торговли и общепита. Настя мечтала, чтобы назвали скорей ее имя в большом списке первоодок.

– Настя, а что ты можешь принести из всего, что я вам зачитала? – спросили, наконец, ее, а у девушки опустились руки, потому, что каждый придумал свою версию выноса из квартиры какой-нибудь ценной вещи для подарка Дворцу пионеров.

Возвращать, по-видимому, никто потом ничего не собирался.

– Я подумаю, – ответила она, теряясь.

– Хорошо, потом скажешь, – посоветовала руководитель студии.

Дома мама порекомендовала купить бинт и вату для аптечки Дворца пионеров.

– ... или можешь взять немного у нашей сестры-хозяйки для личных нужд, – перебирая предвоенные вышивки, сказала она.

– Могу я приехать к тебе на работу и спросить об этом? – не зная, как выдержать паузу, задала вопрос девушка.

– Да, в воскресенье дежурю. Можем поехать вместе с тобой, и ты спросишь, что надо для театрального кружка, – вспомнила она.

– Нет. Обойдусь, – демонстрируя сильную волю, сказала дочь.

До воскресенья оставалось три дня, поэтому Настя надеялась, что ее за эти дни еще не исключат из состава кружка. Купив бинт в аптеке, у Насти отлегло на душе.

«С таким бинтом смогу выглядеть не нищей», – решила она по ходу передвижения своего пешего маршрута в театральный кружок.

На самом деле бинт пригодился в первый день спектакля. Им перебинтовали главного героя-барабанщика, после того, когда в него стрелял отец-уголовник, тяжело, по содержанию пьесы, ранив. Режиссер сама била палкой по деревянному столу рядом со сценой, создавая эффект выстрела. Публика замирала от изумления. А Настя получила от главного актера, который играл самого барабанщика, приглашение прогуляться после спектакля хотя бы по направлению к его дому для более тесного знакомства. За то, чтобы свидание состоялось, отвечала старшая подруга – невысокая кокетливая шатенка с веселыми завитками и ямочками на щеках – Юля. Она посещала школу-студию несколько лет, знала все особенности каждого кружковца, традиции, кто, чем занимался, поэтому успела спросить в перерыв между действиями:

– Тебе нравится главный герой спектакля – Артем?

Сама Юля играла непосредственно одноклассницу главного героя, которая помогала ему выпутаться из сложной жизненной коллизии. Она перевязывала его после ранения.

– Нравится, – ответила Настя, от удивления чуть не присев на стул, стоящий рядом, но встречаться или заводить дружеские отношения с мало знакомым персонажем спектакля совершенно не хотела.

Однако под настойчивым взглядом Юли она спасовала.

– Я договорилась с Артемом. Проводишь его после спектакля, а когда он выйдет в фойе, поцелуешь в щеку, – услышала Настя.

– Хорошо, – разволновалась Настя от мысли о предстоящем свидании с ведущим актером, что постановила не уклоняться от его ухаживаний, как в дешевом французском водевиле, а пустить все на самотек, чтобы события развивались своим ходом.

Артем – главный любимчик всего состава молодежной труппы и худрука – оказался очень скромным юношей, прекрасно сложенным и правильно воспитанным. О его семье Настя ничего не знала, но полагала, что он живет с родителями, начитанный и регулярно занимался спортом. Все замечали у него артистические способности, к чему он относился совершенно спокойно, не рекламируя свой природный талант, а бережно относясь к любому проявлению внимания к своей персоне. Такое яркое сочетание положительных качеств производило хорошее впечатление на взрослых, тем, кому нравилось посещать детские спектакли с участием молодежного состава.

Дирекция Дворца пионеров хорошо знала обо всех участниках постановок, выделяя средства на декорацию текущего спектакля и Новогодние пригласительные билеты.

Итак, Настя ждала с нетерпением окончания спектакля. Она обдумала все досконально, пока Артем переодевался в свой каждодневный костюм. Когда барабанщик, наконец, появился,

она с радостью поцеловала его в щеку, как было принято в актерской среде приветствовать друг друга после премьеры. Они миновали дежурного и двинулись в противоположную сторону от ее дома недалеко от центра. Сначала свободной походкой, а потом он галантно взял Настю за руку. Артем стал ей рассказывать об его плотном жизненном графике: посещении кроме Театральной студии, спортивной секции, музыкальной школы.

– Ты собираешься поступать в Театральное училище? – спросила Настя, когда они шли по тихой улице мимо старинных деревянных и из красного кирпича, одно-двухэтажных построек, наблюдая за происходящими изменениями весенней природы: таянием, черным от дождя асфальтом.

Было достаточно морозно. Кое-где стали появляться ледяные корочки на лужах. Комья земли на газонах были взрыты, а грязь, растекаясь на дорогу, создавала неудобства пешеходам и водителям, стремящимся объехать трудные участки дороги без окриков, объяснений, штрафов, неправильной парковки, извилистости, затянувшихся стоянок в неположенных местах.

– Нет. Пока не знаю, куда буду поступать... Хотел стать военным или летчиком. Отец у меня был летчиком... Но думаю, что в музыке у меня есть шанс продвинуться и сделать карьеру... Скоро предстоят экзамены по фортепиано и скрипке, – ответил он, понимая заинтересованность спутницы. – Надо много готовиться, поэтому редко хожу на занятия в студию... Собираюсь, возможно, уехать жить за границу... Нравится история... – он говорил, обдумывая каждое слово.

Она удивилась этим словам, многозначительно промолчав.

– А ты? – с симпатией просил юноша у своей провожатой.

Настя никак не могла понять, зачем она по чьей-то рекомендации шла провожать до дома этого самовлюбленного Нарцисса, у которого кроме артистических данных ничего не было, поэтому ей лень было отвечать, но она все-таки сказала, набравшись терпения:

– Там видно будет... Надо сначала закончить школу.

«У Артема – долгосрочные планы, о которых пока никто не должен знать. Такая секретность, по-моему, присуща поверхностным знаниям. Но если брать во внимание его гуманитарную образованность в предметах и страстное желание внести вклад в сокровищницу музыкальной культуры, то карьера музыканта или композитора ему обеспечена в скором будущем во Франции», – привиделось Насте, пока она обходила ледяные ручейки и лужи.

– Тебе нравится Наталья Иосифовна? – парень обрадовано задал общий для них обоих вопрос, чтобы найти какую-то точку соприкосновения во взглядах.

– Конечно. Но поступать в Театральное училище мне наверно не стоит, потому что я слишком редко участвую в спектаклях. Роли почти без слов, а в Новогоднем представлении у меня вообще нет шанса принять участие, так как там будет занята вся балетная труппа, – ответила она сразу на два вопроса. – Пыталась в детстве поступать в балет, но оказалось, что пришла слишком поздно на запись.

– Будем дружить, – сказал он откровенно. – Мне понравилась твоя роль кошки... Смотрелось смешно...

Ей занятно было услышать его мнение.

– Спасибо за комплимент, – ответила Настя, понимая, что у него очень доброжелательный характер и перспектива стать великим музыкантом.

Она изумилась такой простоте в отношениях, но не возражала, так как парень был, без сомнения, хорош собой – среднего роста, очень симпатичный, с ямочками и румянцем на щеках, шатен. Одет в куртку, темные джинсы, коричневую блестящую рубашку.

Глядя на него, она вздохнула, одернула свою новую черную куртку, привезенную братом из Болгарии, порадовалась, что они шли без головных уборов, выглядели вполне романтично, современно и легкомысленно, чего она очень хотела.

– Твой брат играет на скрипке? – внезапно спросил он.

– Да, откуда ты знаешь? – переспросила она.

– Он вел у нас практику в школе. Меня хвалили за исполнение под его руководством, – заявил он, чувствуя свое превосходство.

– Приятно слышать, – сообразила она на ходу, что сказать.

«Как мило, что можно было вот так легко идти, разговаривая с приятным, замечательным во всех отношениях, собеседником», – подумала случайно она, перепрыгивая через очередную лужу, боясь обрызгать попутчика, изредка перехватывая мальчишеский взгляд Артема. Он изредка отбрасывал свою челку назад, что придавало его лицу романтическое выражение, как у «царя Давида», по словам Натальи Иосифовны – требовательного и прозорливого педагога. Настя никогда не видела скульптуру Давида, но надеялась, что это не самое плохое сравнение. Распрощавшись, они разбежались по домам.

– Когда-нибудь посетите Италию, то обратите внимание на монументальную мраморную скульптуру Давида около галереи Уффици во Флоренции. Там вам будет, что посмотреть, кроме фонтанов и памятников... Артем своим хитрым выражением лица мне очень его напоминает, – однажды сказала Наталья Иосифовна, когда младшая группа с нетерпением дожидалась появления главного героя – барабанщика.

Наконец все с облегчением услышали критику главного героя. Ехать в ближайшее время в далекую солнечную Италию Настя не собиралась, понимая несбыточность и иллюзорность надежд художественного руководителя молодежного театра-студии, поэтому с грустью перевела свой взгляд с выразительной позы и лица режиссера на дверь, что несколько ослабило ее внутреннее напряжение.

– Какой галереи? – шепотом спросила она у рядом сидящей девушки, с кем у нее сразу сложились дружеские отношения, так как та ничего не могла сама изобрести, а повторяла за ней все ее придуманные драматические сценки.

Услышать вразумительного ответа ей не пришлось. Она с ожесточением сжала губы, чуть ли не до крови. Подростки, сидя на банкетках, с негодованием молча осудили всякое проявление тирании в их молодежной среде. Им было интересно слушать об Италии, восторги худрука памятниками и фонтанами, полных невысказанных слез, горечи расставаний и обид.

Наконец Артем явился без опозданий. Он сразу приступил, к предшествовавшей всем новым постановкам, репетиции своей главной роли, выученной им наизусть. Теперь, когда Настя услышала от него, что он собирался стать летчиком, как его отец, или музыкантом, поняла, о чем говорила Наталья Иосифовна. Главная хитрость «барабанщика» – Артема – заключалась в его менталитете.

Наталью Иосифовну уважали все, включая бывших выпускников студии, за ее вольные высказывания, склочный характер и постоянную критику руководства. Высокая, сухопарая, она одевалась очень скромно в строгое платье. Зимой надевала, как все пожилые женщины, теплый пуховый платок на плечи или талию. Будучи «Заслуженным работником культуры», уделяла большое внимание внешним данным каждого кружковца. Появления художественного руководителя все ждали с нетерпением, но она не торопилась. Домашние дела и магазины отнимали у нее массу времени и терпения. Во время прогона для старшей группы она всегда бросала реплики, выполняя задачу суфлера и режиссера одновременно, а иногда от злости к детским шалостям, когда пыль поднималась от беготни по комнатам, кричала:

– Смотрите, чтобы колосники не свалились на вас или софиты не разбились... А то вижу, разбегались... Весело живете...

Подростки, раскрасневшись от бурного напряжения после бега, спокойно выслушивали замечания. Однажды, на самом деле, чуть не разбила один испорченный софит, который скоро поменяли на новый театральный светильник. В школу-студию приходили не только изучать актерское мастерство, но уметь правильно пользоваться театральным оборудованием.

Настю назначили помощником режиссера по дисциплине. Теперь она постоянно поржалась: «Как можно так рьяно репетировать все спектакли, что пыль с балясин и стен сама валилась на пол. Никому не надо было подметать пол щеткой или стирать тряпкой. Все и так отлично!»

Петр узнал от Насти, что она днем после спектакля гуляла по городу с его учеником, предупредив шутливо:

– Не стоит увлекаться. Артем Шминке – способный парень, но когда он станет великим музыкантом или композитором пройдут годы.

– Ну и что? Ведь мы с ним друзья по студии. На большее никто не замахивается, – боясь, что ее отругают, устало сказала она.

Настя, выдержав паузу, запомнила, что предрек своему ученику брат, который впоследствии уехал за границу и прославился там.

* * *

В один из весенних дней старший лейтенант Кириянов снова появился около дома, где проживали все соседи будущей звезды театральной сцены – Насти Невежиной. Он продолжал расследование исчезновения Безбедновой Галины. Жильцы с уважением выслушивали его вопросы, но никаких новых свидетельств никто не предъявил. Обойдя окрестности на противоположной стороне улицы – ряд одноэтажных частных домов, он снова вернулся под вечер к двухэтажному, из красного кирпича, коммунальному дому, по соседству с тем, где пропала гражданка Безбеднова.

– Могу я поговорить с Борисом Павловичем? – спросил следователь у маленького худенького татарина, сидящего на деревянной нижней доске калитки больших темно-красных ворот, ведущих во двор.

Входная дверь, ворота и забор были одного цвета. Домовитый Али лично сам периодически окрашивал их, чтобы все выглядело, как новое, так как питал симпатию ко всем соседям первого этажа, а особенно к маме Насте – Нине Афанасьевне – за то, что она лечила изредка его троих детей и тех, кто жил по-соседству.

– Я живу на втором этаже, чего вы хотели? – озадачил Али Тугушев следователя. – Ладно, сейчас позову...

Татарин занимался окраской меховых изделий в красные цвета, комбинируя марганец и кадмий, чтобы перелить из одного таза в другой, а потом вылить в емкость и сдать на Кожзавод для окраски обуви, замши, дерева. Всего, что нужно для производства качественных товаров широкого потребления. А сейчас он отдыхал и проветривался, выйдя из полуподвального запаха, где проводил все свободное время, исключая зимний период.

Жилец метнулся к входной двери, и через минуту появился Борис Павлович в одном синем костюме в сопровождении сына – Петра, на котором был джемпер, окрашенный таким же цветом, какую краску сдавал Али потребителям.

– Добрый вечер, – поздоровался следователь с уважаемым пенсионером. – Слышали что-то о смерти в соседнем белом домике?

– Да, все мы с соседями обсудили этот факт и пришли к выводу, что она покончила жизнь самоубийством и лежит где-то на Кумысной поляне или в лесу, – Борис Павлович представил общую версию.

– У меня к вам дело, – вставил тут же Петр, не дав слово сказать участковому милиционеру.

– Говори, что случилось? – немедленно спросил следователь Кириянов, переложив папку в портфель, куда он заносил все показания свидетелей.

– У нашей студентки Музучилища пропал контрабас. Она оставила его в кабинете, а внутри еще лежали ноты. На другой день пришла, а контрабас исчез. Я учусь с ней в вечерней школе в десятом классе. Вот она просила меня помочь ей найти музыкальный инструмент... – рассказал Петр историю, выдуманную его одноклассницей.

– Хорошо, говорите адрес, – следователь достал блокнот и карандаш в ожидании, что ему продиктуют нужную информацию для дальнейшего расследования.

– Нет, лучше мне сходить с вами в училище. Мы посмотрим, кто мог взять такую махину домой. Наверняка тот вор уже вернулся и где-то репетирует, готовится к сдаче вступительных экзаменов в консерваторию, – посоветовал Петр глубокомысленно.

– Ладно, пойдем сейчас, посмотрим, о чем ты говоришь. Идешь? – спросил оперативник.

– Иду, – быстро сообразил Петр, что ответить.

Они доехали до трехэтажного здания, где располагалось музыкальное и хореографическое училище, на милицейской машине.

– Знаешь фамилию студентки, то есть одноклассницы, чтобы в библиотеке узнать, какие ноты записаны у нее в формуляре? – спросил следователь, выработав стратегию поиска дорогостоящего и тяжелого музыкального скрипичного образца искусства.

– Да, Вета Алексеева, – изрек Петр.

Они вдвоем зашли в библиотеку, которая находилась на первом этаже в левом крыле здания. Библиотекарь – Галина Максимовна, белокурая, в строгом костюме женщина – нашла формуляр пострадавшей, когда следователь предъявил ей свое удостоверение. Она записала на листочке задолженности студентки Алексеевой, отдала шпаргалку следователю Кириянову, чтобы тот помог восстановить справедливость. Вдвоем с Петром они поднялись на второй этаж, прошлись по классам в поисках пропажи. Репетиции струнников проходили согласно расписанию занятий. Обнаружить пропавший контрабас оказалось делом пяти минут. В одном из классов шло занятие сводного оркестра для подготовки к сдаче выпускного экзамена. Заглянув в один из классов, они заметили в руках музыканта банальный, пропавший, темно-коричневый, блестящий контрабас.

– Разрешите мне взглянуть на библиотечный номер его партитуры? – следователь предложил руководителю.

Оркестр прекратил исполнять мелодию Брамса.

– Да, конечно, можете пройти к нам на занятие, – согласился молодой дирижер, сидя около пианино с закрытой крышкой, на которой лежали те самые ноты. – Вот они...

Следователь Кириянов сверил номера. Он сказал убедительно Петру, который тоже стоял рядом с милиционером в гражданской одежде, дожидаясь, когда же пропажа вернется в чехол, стоящий в самом дальнем углу просторного класса:

– Все соответствует. Твоя одноклассница может не беспокоиться. Музыкальный инструмент найден.

– Я взял, чтобы репетировать. Мне разрешили воспользоваться им. А ноты могу вернуть сейчас, – стал оправдываться высокий, плотный студент музыкального училища.

– Ой, вы даже не представляете, как с ними трудно работать, – стал жаловаться преподаватель. – Одно нытье, играть не умеют. Мы им разрешаем пользоваться нашими оркестровыми музыкальными инструментами. Пусть девушка, которая сидела прошлый раз за этой скрипкой, не волнуется. Никто с нее требовать контрабас не будет. Он принадлежит училищу, но мы даем инструмент двоим нашим выпускникам, чтобы они репетировали спокойно, без напряжения. Ноты оставьте на вахте. Она придет и сдаст их. Может не беспокоиться, никто их не возьмет.

– Спасибо, – поблагодарил Петр дирижера.

Вдвоем со следователем Кирияновым они ушли, вернув немедленно ноты в библиотеку. Таким образом, Петр избавил свою одноклассницу от треволнений. А участковый милиционер записал в своей тетради: «После расследования ноты и контрабас были возвращены на место».

IV

Прошло пол года. Во Дворце пионеров для подготовки к Новогоднему представлению утром собрались все руководители кружков у директора, чтобы получился сводный концерт с участием всех детей, посещавших кружки и студии. Сценарий для Новогодней сказки с небольшими изменениями был сразу подписан и вынесен на обсуждение педагогов.

Наталья Иосифовна и Василий Петрович стояли в фойе, обсуждая дальнейшую концертную программу. Мимо них сновали дети, кто явился на занятия, дожидаясь, пока совещание у директора закончится. Педагоги театральной студии не торопились осчастливить своим вниманием директора. Наконец все руководители кружков собрались и разложили списки детей перед собой.

– Кто будет в этом году моей внучкой Снегурочкой? – спросил Василий Петрович предвзято у Натальи Иосифовны, заметив ее волнение.

– Мы уже стали репетировать, как обычно, с Наташей. Она одна у нас высокая, симпатичная блондинка с пышными волнистыми волосами, – рекомендовала режиссер строго.

– Я с ней в прошлом году призы раздавал. Она как труженица трудового фронта, которая фигурировала на афишах 60-х, – сравнил сам сценарист свою помощницу и посредницу между детьми с реальной героиней.

– Надеюсь, наш Дед Мороза будет самым лучшим, – отметила директор Дворца пионеров положительные качества главного режиссера и сценариста. – Василий Петрович, вы беретесь сыграть в этом году?

– Безусловно. Костюм красивый, бороду и усы я приклею. А посох лежит в костюмерной. Школьники останутся довольные, – договорился порадовать ребят на каникулах будущий зимний волшебник.

– Мои дети хорошо знают текст. Они много раз участвовали во всех Новогодних спектаклях в ролях Бармалея, Буратино и Мальвины ни один год, – пояснила Наталья Иосифовна с пафосом.

– Помню. За это им благодарность лично от меня. Из них самой привлекательной была все-таки Снегурочка в исполнении Наташи Соляровой, – похвалила своих питомцев директор.

На самом деле Снегурочка-Наташа в голубой шубке с меховой опушкой и высоком кокошнике, расшитым серебром, любила приковывать внимание публики своим ярким внешним видом и писклявым голосом, создавая впечатление, будто говорила маленькая девочка. Тем самым, вводя зрителей в полный экстаз от своих непредсказуемых проделок, спекулируя на дешевых трюках с раздачей подарков с мандаринами, шоколадными конфетами и грецкими орехами, купленных заранее родителями в профсоюзной организации со скидкой.

– Что скажет кружок бальных танцев и балетная студия? – спросила снова директор, разглядывая цветные наброски карнавальных костюмов на больших матовых листах.

– Я отобрала лучшие пары. У них свои костюмы, – провозгласила руководитель кружка бальных танцев – невысокая, кудрявая бывшая балерина в строгом, черном костюме. – Долго репетировали. Замечательные и способные ребята!

– Мы готовы принять участие в костюмах зайцев, белок, снеговиков, медведя, волка, подружек метелицы, – скромно добавила другая балерина со стажем, ведущая Хореографический кружок, положив перед директором на стол список участников танцевального шоу. – Вот посмотрите. Звери все будут в наших костюмах.

– Хорошо. Зал надо будет украсить художникам. Вы готовы? – обратилась директор к руководителю кружка Умелые руки.

– Да. У нас в запасе есть хорошие макеты из фанеры. А снежинки мы вырежем новые... – обмахиваясь выгоревшими желтыми, красными и синими кружевными листами, сказала полная миловидная блондинка – руководитель кружка художественного творчества.

– Елку привезут. Наши рабочие установят и украсят. Освещением займется электрик. Он знает. Я ему еще напому. А надпись над входом: «С Новым годом», пожалуйста, оформите вместе с ними, – директор давала установки для своих сотрудников перед началом зимних школьных каникул, чтобы дети, заработавшие отличными отметками пригласительные билеты на представление, получили максимум удовольствия и отдохнули.

Среди них были те, кто регулярно посещал кружки Дворца пионеров. С первого дня каникул начались елки во всех клубах и театрах провинциального города, где жила Настя Невежина. Роль кошки в Новогодней сказке с двумя сверстницами получилась у нее гораздо лучше. Веселые приключения героев Новогоднего представления были настолько банальными и стереотипными, что ни у кого не возникало сомнения, что Снегурочка – взрослая пионервожатая из того самого интерната, где обитали с первого класса многие из студийцев.

Руководство случайно заметило, что отношения между главными героями – Снегурочкой Наташей и Василием Петровичем – Дедом Морозом вышли за рамки детских сказок. Она жила у него на квартире в качестве жены и помощницы по хозяйству со своей младшей сестрой.

– Найдешь себе замену, а зарплату ей отдашь, – предложили Наташе директор и руководитель Театральной студии наедине.

– Приведу замену. У меня уже есть кандидатура, – успокоила их Наташа Солярова.

– Вы, кажется, ходили в ресторан после дневного спектакля с Наташей? – спросила Наталья Иосифовна своего коллегу-сценариста – Василия Петровича, вжившегося в роль Деда Мороза.

– Как? Разве это запрещено? – возмутился он.

Они вдвоем с «внучкой-Снегурочкой» провели незабываемый вечер в ресторане «Москва», который славился своей кухней.

– Нет, но придется нам с вами распрощаться на следующий год, – успокоила она его. – Директор просила заменить Снегурочку. Мы нашли хорошую кандидатуру.

– Я не возражаю, – согласился сценарист. – Давно хотел об этом сказать.

Наташа, не долго думая, привела свою младшую родную сестру – Свету – точную копию себя с такими же пухлыми чертами лица и пушистыми светлыми кудрями. Девочка выучила роль, прекрасно справившись со своими обязанностями, привлекая всеобщее одобрение. А бывшая Снегурочка-Наташа хвалила при всех студийцах свою сестру, чтобы вызвать зависть, доказывая восходящей звезде свой авторитет:

– Теперь мы с тобой настоящие актрисы.

Дети, по сути, играли сами себя в каждом новом представлении, что обыкновенно происходило в профессиональном коллективе. Баянист и другие музыкальные работники с удовольствием принимали участие в каждом Новогоднем спектакле с изумительными костюмами, участием хореографического кружка и раздачей сувениров за исполненный номер художественной самодеятельности.

Сразу после Нового года руководитель студии – Наталья Иосифовна сломала руку, поскользнувшись на льду около входа во Дворец пионеров, когда торопилась на занятия. Она, не смотря на боль, прошла в свой кабинет, сама вызвала скорую помощь. На свое место она успела назначить пионервожатую из интерната – Наташу, которая тут же вошла в роль, приглашая сыграть какие-либо сценки вновь принятых детей из интерната, где они проводили свой досуг и жили круглосуточно.

– Заменишь меня все репетиции, – сказала Наталья Иосифовна строго, еле сдерживая боль.

– Хорошо, Наталья Иосифовна, – подобострастно ответила та, опуская глаза вниз.

– Тебе заплатит руководство Дворца пионеров за мое отсутствие, а я получу по больничному листу. Принеси мне список сотрудников с телефонами из кабинета, кто смог бы проводить меня домой, когда я выпишусь, – попросила больная, протягивая ключи, стоя рядом с детьми, которые начали репетировать на сцене без режиссера, не подозревая, что та сама натолкнула Наташу на мысль совершить преступление непредсказуемого характера.

Отсутствовала вожатая минут пятнадцать. Характер у нее был взрывной, поэтому никто не решался последовать за ней в кабинет, чтобы не оказаться высмеянным или больно обиженным. Вскоре посланница вернулась с листком, где были отмечены адреса всех педагогов с многолетним стажем.

– Вот, пожалуйста, – сказала Наташа, протянув истлевший список женщине.

– Что-то долго тебя не было. Ты там что, уснула или по шкафам шарил? – удивленно осведомилась Наталья Иосифовна.

– Старалась, как могла. Хотела найти список. Нигде его не было, – ответила девушка тихо с театральным апломбом.

– Он же постоянно лежал на самом видном месте, на столе, под стеклом. Но у меня ничего съестного нет, – удивилась женщина.

У режиссера была привычка брать на работу что-то пожевать, а бутерброд всегда находился у нее в столе, а на этот раз она держала сумку с едой в здоровой руке.

– Нет. Просто никак не могла найти, что вы просили, – вживаясь в роль сиделки, сказала Наташа величественно, манипулируя своими руками перед лицом своего шефа, демонстрируя великолепные голосовые данные.

– Давай сюда. Кстати, ты запиши мой адрес. Придешь ко мне, расскажешь, как вы репетировали спектакль без меня, – потребовала руководитель студии, делая ударение на количестве дефицитной еды, исчезнувшей у нее как-то со стола, о чем никто из студийцев не подозревал.

Она сама еле отнесла список назад в кабинет, положив на место. За то время пятнадцати минутного отсутствия у сердобольной Наташи появилась возможность списать все нужные ей номера телефонов, чтобы навестить любого педагога, кроме Театральной студии, по своему усмотрению: Умелые руки, Хореографии, Бального танца, Музыкального, Живописи, Спортивной секции.

Особенно выделялась среди других руководителей кружков педагог бальных танцев – Алла Веняминовна Сидельникова – по разнообразию нарядов и вкусу. Она всегда стояла в красивой позе, в новом, ярком платье, с красивой прической-укладкой в центре огромного зала, покрытого паркетом, указывая, как надо двигаться, а вокруг кружились пары. Все занятия были бесплатными, но принимались только высокие, симпатичные девушки-школьницы с партнерами, поэтому все пары выглядели очень привлекательно. Иногда они кружились в специально сшитых платьях для международного, как они все мечтали, конкурса.

– Быстрее, быстрее, – командовала Алла Веняминовна, доводя кружковцев до самозабвенного исступления, но никто с ней не спорил, чтобы принять участие хотя бы в городских соревнованиях, боясь потерять партнера или быть выгнанным.

Пока Наталья Иосифовна находилась на больничном листе с переломом руки, занятия Театрального кружка, как договорились, стала проводить Наташа – красивая, как расцветший бутон розы. Ее кругозор был настолько широк, что она всегда с пристрастием смотрела на эти занятия бальными танцами.

– Такая привлекательная – Алла Веняминовна, – объявила Наташа, заметив, спешащую домой после репетиции, Настю. – Всегда на ней новое платье. И так хорошо сшито! Тебе она нравится?

– Да, у нее есть вкус. Но у танцевальных пар больше возможности себя показать, да и пачки бесподобные... Сколько капрона пошло на них?! – не дожидаясь ответа, с плохим предчувствием о надвигающейся беде, вторила ей девушка.

– Я понимаю, что невозможно объять необъятное, но рискнуть при сильном желании мне ужасно хотелось бы, – призналась ревнивая пионервожатая.

Настя не стала дальше выслушивать ее рассуждения о степени риска, повернулась и ушла домой продвигать свою учебу вперед.

С сильными движениями, крупными, правильными чертами лица, длинными, светлыми, волнистыми волосами и завитушками по овалу, высокая вожатая училась в том самом интернате, где стала работать, получив минимальную ставку. Она справлялась со своими обязанностями феноменально, с легкостью придумывая сценки для воспитанников, чтобы инсценировать любой преступный случай по их усмотрению.

С предыдущими студийцами в группе, которую посещала помощница режиссера по дисциплине, она разошлась во взглядах, опоздав на репетицию, поэтому живо отправила тех, кто явился на занятия, домой. Среди них оказалась Настя. Она к своему стыду не стала спорить, ушла чуть ли не бегом, боясь оказаться жертвой в этих криминальных разборках. А детдомовцы побежали курить в туалет.

В тот зимний вечер пока она шла домой, поскользнулась на запорошенной наледи на асфальте, растянувшись во весь свой рост. Но быстро встала и ускорила шаг. Вернулась к себе в коммунальную квартиру в плохом настроении и поделилась неприятными впечатлениями с отцом. Он заметил, что у дочери изменилась походка.

– Что-то случилось? – спросил отец, понимая, что она может и не рассказывать о своих проблемах.

– Нет. Просто бежала и шлепнулась на катке. Но сейчас все нормально. Завтра пойду в школу, надо повторить уроки, – призналась дочь, усевшись за стол, раскрывая перед собой учебники.

Отец с одобрением следил, как Настя усердно училась, пренебрегая сильными болями в спине от удара об лед. Она уделяла внимание тому, что не надо терять пропущенное время, а постоянно наверстывать те знания в школьных предметах, где у нее появились пробелы из-за посещения кружков.

К следующему занятию Театральной студии во Дворце пионеров случилось событие, получившее широкую огласку среди кружковцев и сотрудников милиции этого района. У себя дома была убита и ограблена руководитель танцевального кружка, пока ее сестра-двойняшка ходила за продуктами в магазин. Все дети обсуждали произошедший инцидент шепотом. После этого у Наташи появились красивые туалеты, но безвкусице и несоответствие размера сразу бросалось в глаза даже детям.

Новое криминальное расследование оказалось на столе следователя Кириянова. К чему он отнесся скрепя сердце, так как в деле о пропаже гражданки Безбеднова появлялись все новые и новые свидетели и улики, подтверждающие вину самой хозяйки дома в исчезновении ее племянницы, которую нашли мертвой на территории двора в отхожем месте рядом с курятником, когда приехали с собакой обследовать жилое помещение.

Хозяйка была арестована и препровождена в КПЗ. Но за ней и ее мужем тянулся шлейф военных преступлений, совершенных на территории концентрационного лагеря смерти в Польше. У следователя после криминалистической экспертизы трупа девушки, появилась версия, что убийство произошло на почве ревности, так как обе женщины были беременными. Но сама хозяйка дома, как выяснил следователь после допроса, не хотела, чтобы племянница стала наследницей жилого помещения, построенного ее мужем и братом-близнецом сразу после войны, когда им помогли с пропиской. Двоих братьев вскоре нашли тоже мертвыми на дачном участке. Военный преступник убил своего брата – бывшего рецидивиста, когда тот стал его шантажировать. А затем сам повесился на потолочной балке. Хозяйка опознала все три трупа родственников, приняв на себя обязанности по захоронению, вызвав свою младшую сестру, проживавшую в непосредственной близости – на первом этаже, в малень-

кой семиметровой комнатухе, в угловом, красном, двухэтажном доме, похожем на китайский сундучок. Но многое еще было скрыто завесой тайны, так как надо было раскрыть всю действовавшую диверсионную группировку, проникшую в разные сферы жизни, включая заводы, школы и университет, поэтому скучать с отчетами у генерала Кедрова следователям не приходилось.

Началось следствие по делу убийства Аллы Веньминовны Сидельниковой. Стали искать виновных среди детдомовцев, кто мог пойти на такой или подобный шаг, у кого было свободное время, чтобы лазить через форточку в квартиры.

Отец Насти глубоко задумался, выкуривая одну сигарету за другой, стоя на общей кухне, когда никого из соседей не было. В итоге он решил обратиться в милицию, предупредить о возможных осложнениях в поведении самой вожатой, которая вела Театральную студию, но там уже поняли причину внезапного «взросления» всех питомцев детского дома-интерната.

– Все подозреваемые по делу ограбления педагога кружка балльных танцев находятся у нас в особой папке, – сказал старший лейтенант Кириянов, когда к нему в кабинет зашел отец Насти и Петра – Невежин Борис Павлович и поздоровался.

Он был давним знакомым следователя по делу о пропаже Безбедновой Галины, когда расследование зашло в тупик из-за отсутствия прямых доказательств виновных, так как все подозрения падали на самих владельцев дома. А когда первый раз пришли с дрессированной собакой, то та ничего не учуяла из-за сильного запаха нафталина в комнатах дома и едкого запаха щелочи в курятнике. Тогда следователю Кириянову показалось, что хозяева дома специально провели санитарную обработку помещения, чтобы отбить все нюхательные рецепторы у животного.

– Зачем вы поторопились вызывать санэпидстанцию? – спросил он, удивляясь их предприимчивости, но никакого вразумительного ответа не услышал.

Сейчас, когда появился давний его знакомый по соседству с домом, где пропала женщина, у старшего лейтенанта обострилось чутье сыскаря. Он с чувством признательности посмотрел на вошедшего посетителя милиции.

– Но у меня есть к вам один вопрос, кто же виноват в том, что дети самовольно курят в престижном месте, откуда у них на это занятие появляются постоянно деньги? – спросил его в лоб Борис Павлович.

– Вот в этом мы хотим сами разобраться, – разглядывая свои новые погоны на старой, потертой шинели, сказал старший лейтенант, у которого каждое появление свидетеля вызвало нестерпимое ощущение надежды на раскрытие очередного застарелого случая.

– Значит надо искать где-то рядом, а не идти привычным путем. Наверняка у них опять найдется отговорка в своей невинности, – посоветовал Борис Павлович, ценя время дежурного участкового районного отделения милиции.

– Присаживайтесь к столу и напишите, что вы знаете об этом случае с ограблением, по словам вашей дочери. Мы с вами найдем их обязательно вместе. Потому что они не смогут так долго скрывать свои замыслы, – с чувством ответственности произнес милиционер, кому не раз приходилось участвовать в перестрелках при задержании опасных рецидивистов, когда тем удавалось бежать из мест лишения свободы.

Он придвинул к знакомому пенсионеру ручку и лист бумаги, чтобы тот написал о своих подозрениях. Пенсионер, не церемонясь, изложил все, что рассказала ему Настя, не забыв указать свою фамилию и имя.

«Вчера моя дочь вернулась с занятия Театрального кружка во Дворце пионеров и школьников, заявив, что дети из интерната разыгрывали сценки уголовного характера под руководством вожатой – Соляровой Наташи. Детей, кто не жил в интернате, отправили домой, чтобы они не мешались под ногами. Когда моя дочь одевалась в гардеробе, видела двое близнецов

пошли курить в туалет. Затем они вернулись назад продолжать учиться актерскому мастерству и декламации».

Поставив внизу число и свою неразборчивую подпись, Борис Павлович передал листок дежурному следователю, в чьи обязанности входило изучать все материалы дела с особой тщательностью.

– Хорошо разберемся, когда получим все материалы следствия и беседы со свидетелями. Если будет суд, который уже назначен на ближайшую субботу, но ровно через месяц, то, пожалуйста, приходите. Послушайте, что там скажут сами подозреваемые, – как-то витиевато объяснил старший лейтенант, надеясь, что не надо будет писать специального приглашения и отправлять по почте.

– Обязательно приду. Надо послушать, что же такое произошло в детском коллективе, что они скрывают от взрослых. Говорят, что там ставят спектакли на основе реальных событий. Чересчур заумный сюжет может навредить им же самим встать на ноги в будущем, – признался посетитель, у пенсионера был богатый опыт работы вожатым в юности.

– Но у нас не постановки, а работа, поэтому хотим наладить нормальное существование законопослушных граждан без происшествий и уголовщины, – цитируя слова вышестоящих авторитетов, сказал дежурный.

Борис Павлович распрощался и ушел, надеясь, что сделал правильно, не сказав Насте о своем посещении дежурного следователя по особо важным делам в районном отделении милиции. Он только сообщил, сразу появившись на пороге комнаты, где с нетерпением его ждала дочь с атласом в руках, изучая географический рельеф земного шара:

– Через месяц должен состояться суд. Каждый свидетель сможет изложить собственную точку зрения по поводу грабежа в квартире у Заслуженного работника культуры – руководителя кружка балетных танцев. Я тоже там должен появиться. Вот тогда у всех сложится правильное представление о культурной жизни молодежи и детдомовцев в первую очередь.

– Ходить в театральный кружок я больше не буду. У меня нет к этому призвания, – высказалась она, не поняв, что от нее хотели.

У Насти чуть алые щеки побледнели от услышанной новости, поэтому она не стала расспрашивать подробности, которых пока никто точно не знал.

– Ты что испугалась? – спросил отец с сожалением.

– Нет. Но не сейчас, а чуть позже, когда надо будет сдавать экзамены в школе, – стала придумывать она отговорки, так как училась в седьмом классе, а в восьмом им предстояли переводные легкие два экзамена: сочинение и контрольная по математике.

Суд состоялся ровно в указанный следователем Кирияновым срок. Милиция арестовала вожатую не сразу.

– Солярову Наташу можно спокойно назвать опытной ведущей концертов и человеком, умеющим сдерживать желания, наставлять на путь истинный детдомовцев, чьи родители отбывали наказание в местах лишения свободы, – заступались за вожатую в качестве адвокатов друзья из кружка и сотрудники Дворца пионеров, кто собирался присутствовать на суде.

На суд были представлены положительные характеристики с двух мест работы пионервожатой – интерната и Дворца пионеров и школьников. Всем понравилась такая насыщенная жизнь и педагогические способности главной подозреваемой, у кого не было на руках наручников, но сидела она отдельно ото всех свидетелей, огороженная металлическими прутьями.

Судья зачитала вслух жесткий приговор, в руках у нее было только веское доказательство вины обвиняемой: отпечатки пальцев на орудии убийства – тяжелом, тупом предмете – отсутствовали, так как предмет не был найден, а на самой изувеченной жертве их было достаточно. Эксперт Семенюк аргументировал идентичность отпечатков пальцев, предоставив суду четкие, равнозначные пальчики с тела убитой, соответствующие отпечаткам Соляровой Наташи.

– Мы согласны с вашими доводами, – изрекла судья в присутствии свидетелей.

– Все пропавшие вещи из квартиры Сидельниковой Аллы Веняминовны нашли у подозреваемой в комнате, тщательно спрятанными в мешке с грязным бельем. Они были изъяты у нее и возвращены сестре погибшей, – высказался следователь Кирьянов.

В результате чего Наташа Солярова должна была отбывать наказание двенадцать лет в провинциальной тюрьме. Там с наибольшим энтузиазмом она занималась художественной самодеятельностью, сценической речью для работников прокуратуры и сотрудников внутренних дел. У следователя Кирьянова после раскрытия этого жесткого преступления появилась надежда, что когда-то он обнаружит всю диверсионную группировку, действовавшую в городе.

V

Тогда дети младшего состава и молодежь очень переживали, дожидаясь главного режисера, пока она не вернулась из больницы в гипсе с платком, свернутым наискосок, завязанным на шее для поддержания руки. Так Наталья Иосифовна ходила теперь на работу, вызывая неодобрение руководства. Через месяц гипс сняли, но рука еще плохо действовала. Ей приходилось объяснять роли на словах, а не показывать самой, чтобы избежать травм и быстрее восстановиться после болезни.

Некоторые ребята заходили к ней домой, а потом докладывали всем студийцам, когда встречались по привычке в одно и то же время, что они помогали Наталье Иосифовне по хозяйству: кто-то сварил суп, вымыл пол, постирал белье.

Вновь принятые кружковцы умудрялись появляться периодически. Вика и Олег пришли в кружок с целью занять свободное время, получить путевку в жизнь. С ними у Насти сразу сложились теплые и дружеские отношения, чего так добивалась руководитель кружка от своих воспитанников. Олега заняли тоже в спектакле «Судьба барабанщика» на место ушедшего Славки – друга главного героя, который исчез, растворился, как облако. Он долго не появлялся на репетициях. А высокая, худая и длинноногая Вика стала заботливо ухаживать за Настей. И однажды даже вызвалась проводить ее до дома. По дороге они, как и все, обсуждали планы на будущее. К тому моменту Настя окончательно решила порвать со школой-студией, понимая свою любовь к театру, но большую конкуренцию в среде актеров, сплетни, подсиживание, наговоры, желание продвинуться любой ценой, даже посредством нечестной игры.

– Актрис много, а работников сцены в театре мало, – заявила Вика, когда она с Настей возвращались с очередной репетиции.

– Пожалуй, ты права, – согласилась Настя.

– Могу быть осветителем, если не получается роль или нет текста. Зато буду смотреть все постановки, – хитро заметила подруга.

– Нужен большой талант, чтобы попасть в Театральное училище... – поддержала ее Настя.

– А работать актрисой в театре я не хочу... Блата у меня нет, поэтому поступать туда не буду, – урезонила новенькая.

– Зачем тогда пришла в кружок? – удивилась Настя.

– Так просто. Могу быть гримером, осветителем или оператором... – размечтались обе девушки, пересекая одну улицу за другой.

– Хорошее дело. В театре много разных специальностей. Например помощник режисера, суфлер, – представила Настя от себя на выбор.

– Ты наверно дочь номенклатурного работника, раз так говоришь... У них всегда есть, что предложить... – стала говорить загадками Вика.

– Нет, мои родители обычные служащие, – вкратце в который раз пояснила Настя ссылку о своем происхождении, так как при поступлении в студию все анкетные данные худрук записывала в свою тетрадь посещаемости студийцев.

– А мне хватит смелости присутствовать на любом спектакле! Пусть даже самом простом. Энтузиазм вселяет веру в человека. Иногда вдохновляет на хорошие поступки... – заметила Вика, воспитанная в духе романтизма.

Идти домой, чтобы снова слушать упреки от брата в свой или кого бы то ни было адрес, Насте не хотелось. Она позволила Вике довести ее почти до дома, как она провожала Артема, от которого у нее остались самые приятные воспоминания. Тон и поведение подруги воодушевляли Настю быстрее закончить общаться с навязчивой провожатой. Они расстались довольные, что затратили около получаса на прогулку, чтобы «не появляться в родительской среде

и не быть поводом для насмешек и подковырок», как охарактеризовала Вика свою семейную жизнь.

Перед этим у Насти в красном китайском сундучке произошли неприятности со скандалами между родителями. Каждый отстаивал свою точку зрения. Никто из них не хотел уступать другому или частично принять сторону противника.

Для мамы Насти была непонятна позиция ее мужа-инвалида, почему он не хотел устроиться на работу. Зато Борис Павлович настойчиво молчал, оставляя без внимания реплики жены о плохом посещении сына вечерней школы, куда тот перешел, чтобы не бросать музыкальное училище.

Наконец после заключительного концерта, куда Настя ходила вместе с мамой, и поступления брата на заочное отделение в консерваторию, Петра послали в районный центр на работу. Все это вызвало бурную реакцию соседей.

* * *

– Ты умеешь фотографировать? – как-то спросила Наталья Иосифовна Настю, как начинающего фотографа, заметив скуку в ее глазах на репетиции спектакля.

– Да, у меня есть фотоаппарат, но пока нет ни увеличителя, ничего больше, – ответила девушка, понимая, что из ее актерской профессии мало чего получается толкового.

Когда ей подарили на день рождения примитивный фотоаппарат «Смена», она с радостью принялась изучать все подробности фотографирования, но никакой специфической литературы по профессиональному операторскому искусству долго не могла найти. Но однажды отец после завтрака предложил ей в воскресенье:

– Если у тебя нет никаких дел, давай сходим к моему знакомому фотокорреспонденту. Он может научить тебя основам фотографирования. Покажет свои снимки. Правда, он живет далеко. Пойдешь?

Вниманием ее не так часто баловали, но упускать случай ей не хотелось.

– Да, но не надолго. Много уроков. Надо повторить английский, а потом у меня завтра театральная кружка. Могу не успеть все сделать вовремя, – согласилась она.

– Хорошо. Мы посидим немного. Даже чай не будем пить, а потом сразу домой. У него есть своя фотолаборатория, – сказал отец, кому нужен был добрый совет и приветливое слово.

– Здорово! – обрадовалась девушка.

Они отправились пешком. Погода была удивительная. Установились сухие деньки поздней осени. Настя надела белый берет, темно-синий плащ. Теплый белый шарф, связанной ей самой, свисал из-под воротника.

Фотограф жил на центральном проспекте, когда-то бывшей главной торговой артерии города. Напротив, на другой стороне улицы, куда они, наконец, пришли после двадцатиминутной прогулки, находились вычурные, такие же двухэтажные здания бывших развлекательных заведений для богатой публики со всеми атрибутами того времени. Фонтан, разбрызгивающий воду, летняя терраса, ресторан, банк, всевозможные магазины, ломбард, монументальное административное здание почты, подвальный пивной зал, всегда набитый до отказа студентами и городской беднотой. Вся эта кажущаяся вычурность вызывала подозрение и тоску от безвозвратно растрченного или потерянного капитала прошлого века. Казалось тут и там царил дух стяжательства, продажной любви и неразделенных чувств всех сословий к неоправданным посулам правительства улучшить существование граждан.

Они подошли к светлому двухэтажному каменному дому безо львов или других украшений на фронтоне. Настя рада была прогулке в воскресный день. Фотограф встретил их радостными возгласами:

– Привет, работникам культуры и просвещения! Проходите, друзья!

Он провел их в узкую комнату, усадив вежливо на диван. Настя неловко сняла плащ, передала фотографу. Завязался профессиональный разговор двух журналистов. Они долго

обсуждали свои проблемы: нехватку денег, хорошего, комфортного жилья, качественных продуктов питания, низкий уровень медицинского обслуживания, безработицу и, не смотря на это, желание выжить. Фотограф предложил Борису Павловичу скоротать время за рюмкой портвейна, когда принес бутылку, поставив посередине на стол у окна.

– Предлагаю выпить по стопке, а потом продолжим говорить, – сказал фотограф, внимательно рассматривая лицо Насти, изучая ее реакцию на сказанные им только что слова. – Закусывать нечем, но вино не слишком крепкое... Просто так, для поправки здоровья!

Настя переполошилась. Ей не хотелось возвращаться домой одной или с отцом, еле держащимся на ногах от чрезмерного употребления спиртного.

– Мне хотелось бы узнать кое-что о фотоделе. Папа сказал, что у вас есть фотолаборатория, – проговорила она, желая перевести разговор с распития спиртного к земным материям.

– Ты умеешь пользоваться фотоаппаратом? – фотограф переключил свое внимание.

– Да, но пока учусь. Хотя есть даже снимки, но низкого качества, – сказала она.

– На самом деле у меня есть фотолаборатория, где сам занимаюсь проявлением и печатью фотографий для газет.

– Могу я посмотреть? – искренне спросила девушка.

– Да, да, очень кстати. Сейчас посмотрим, что у меня там есть интересного для нас всех, – ответил специалист, едва касаясь руки Насти.

Он проводил ее без отца в темную, завешенную проявленными пленками, такую же узкую комнатку с увеличителем и всем необходимым для печати снимков, чтобы в дальнейшем реализовать их среди любителей прессы. Туда он постоянно с успехом отправлял свои работы.

Она почувствовала себя как-то неуютно, когда он делал экскурс в основы фотографии. Посещать кружок по фотоделу ей было некогда, но узнать что-то новое в этой развивающейся отрасли культуры и искусства требовалось, чтобы запечатлеть жизнь в ее первозданной красоте. Находиться долго в темной комнате с взрослым мужчиной ей стало стыдно, поэтому она быстро сориентировалась и потребовала властно:

– Я уже поняла. Пойдемте отсюда скорей, а то мне нужно домой...

– Не волнуйся, ты можешь в любой момент выйти... Вот дверь... – он указал на открытую, но завешенную темной материей, дверь. – Посмотри все внимательно... Побудь пока здесь, а я приду скоро. Поняла? – спросил он игриво.

– Да, – ответила Настя, понимая, что два журналиста хотят поговорить о чем-то своем без свидетелей.

Она стояла в темноте минут десять рядом с увеличителем, не зная, чем заняться, подозревая, что существование должно как-то переменить свой ракурс на светлое восприятие пространства. Фотограф, наконец, появился, как профессор на лекцию перед студенческой аудиторией. Он стал показывать Насте, как надо заправлять пленку в фотоаппарат.

– Спасибо, – быстро проговорила она, вернулась тем же путем в комнату.

Вся интрига заключалась в том, что бутылка вина со стола исчезла, а отец сидел довольный на кресле, что-то обдумывая.

– Научилась? – спросил он, глядя на входящих в комнату, как заговорщиков, фотографа и его ученицу.

– Научится скоро, – ответил опытный фотограф. – Посидите еще немного... Вот, что у меня имеется... – он предложил отложить уход приятных гостей, показав свои наработки для оценки.

Фотограф достал из шкафа альбом, со сделанными им художественными снимками, передал Борису Павловичу так, чтобы он сам мог посмотреть без любопытных глаз дочери.

Тот стал листать достаточно медленно толстый альбом, рассматривая все снимки обнаженных натур, как потом Настя поняла, когда случайно заглянула сверху, привстав при одевании плаща, завязывая шарф на шее, чтобы быть готовой к уходу. Фотограф что-то указы-

вал пальцем на снимках, докладывая, что все натуры его близкие знакомые, о чем смотрящий легко догадался. Настя смотрела безоружным взглядом вокруг себя, дожидаясь с огромным тщанием и жизнеутверждающим терпением конца просмотра отцом фотографий ню. Начало изучения фотодела было положено. На следующей неделе в театральном кружке после нескольких обещаний, что ей сама Наталья Иосифовна принесет учебники по фотоделу, она получила долгожданные два фолианта с разбором главных моментов для фотографии природы, людей и процессов.

– Вот тебе книги... Изучай, научишься фотографировать... Тоже в жизни пригодится, – сказала Наталья Иосифовна по-дружески. – Можешь взять себе...

– Спасибо. Когда нужно вернуть книги, вы мне скажите. Принесу сразу, – проговорила Настя невинным голосом, обращаясь к художнику, у которой никогда не было времени для личных бесед с молодежью.

– В библиотеке Дворца пионеров для тебя выделили... Бери на долгую, добрую память... – посоветовала она.

Настя вспомнила слова из спектакля Гайдара «Судьба барабанщика», который она знала почти наизусть. Она с гордостью принесла книги домой, показала каждому в семье, включая маму. Девушка зачитала до дыр, подаренные ей самой Натальей Иосифовной, две книги по фотоделу. Теперь ее сознание раздвоилось. Она не знала точно, кого больше любила: маму или режиссера. Такой подход к студийцам оставил отпечаток на всю сознательную жизнь Насти. Она посетила, как ее учила Наталья Иосифовна, не раз Италию в зрелые годы, с наслаждением рассматривая во Флоренции около галереи огромную скульптуру того самого Давида, о ком однажды шел разговор на занятиях в студии.

VI

Всему классу в школе, где училась Настя, раздали билеты в ТЮЗ, чтобы поставить галочку в графе мероприятия за полугодие. Раздавала билеты уважаемая староста, гордо показывая свою заинтересованность и желание улучшить показатели в учебе.

– А ты сама идешь? – Настя спросила, заметив, что билетов не осталось совсем.

– Как видишь, билеты кончились, – ответила староста, отдавая последний билет своему соседу по квартире.

– Жа-а-ль, – протянула Настя, понимая, что староста на год старше всех, и, как мама, заботилась о своих детях.

– Посмотрите, расскажите, о чем был спектакль. А я потом схожу на другую постановку с кем-нибудь из нашего класса, – посоветовала она.

У старосты была яркая внешность с огненно-рыжей гривой кудрявых волос, но она вела себя скромно, по-взрослому, пользовалась уважением, отличаясь лучшими ответами на всех уроках. Билет Настя сохранила, а в весенние каникулы, когда все текущие отметки были выставлены, отправилась в ТЮЗ в надежде получить удовольствие от игры актеров или хорошей постановки. Там она искренне восхищалась сценическим мастерством молодых профессионалов, в то же время обменивалась опытом, чувствуя себя сопричастной к жизни городской богемы. После спектакля ее соседка по парте предложила пойти прогуляться на набережную.

– Давай сходим на Волгу, покатаемся на льду, – заявила Света, которая знала слабые стороны Насти, пользуясь этим.

За полгода Настя так вымоталась, посещая тренировки, кружки, балансируя в классе на виду у всех, что после душного театрального зала с охотой согласилась.

– Пойдем, – продолжила светскую беседу Настя в фойе театра. – Но, думаю, лед запорошен снегом. Кататься мы не сможем.

– Тогда так погуляем, – расстроилась Света под впечатлением от увиденной пьесы. – Сейчас там много рыбаков, кто занимается подледным ловом.

Настя удивилась, откуда у соседки по парте такие глубокие познания в житейских делах, но, боясь, что та откажется от прогулки, поторопила подругу:

– Идем скорей.

Она припомнила, что они давно будто хотели вдвоем со Светой сходить куда-то или в зимний лес, или в поход, чтобы получить заряд бодрости.

– Куда идете? Я с вами, – присоединилась к ним одноклассница Ира, на бегу застегивая пальто, завязывая меховую шапку.

– Мы идем на Волгу, – объяснила Настя, глядя, как та застегивает пальто.

– Ну и что?! Хочу простудиться и прогулять занятия, – сказала спокойно Ира.

– Ладно, пошли с нами, – обнадеживающе, уверенная в положительном исходе затеянного мероприятия, сказала Света, которая всегда отличалась лаконичностью и скрытностью, возбуждая еще больший интерес у Иры к себе.

Настя удивилась, что у Иры возникло страстное желание пойти с ними, так как она вечно суежилась со своими дворовыми друзьями и новыми любовниками своей матери. От них она узнавала новости дня, с невыразимым восторгом рассказывая всем о своих треволнениях. Часто делилась впечатлениями, даже водила с ними дружбу, если это так называлось среди взрослых, распущенных развратом и пьянством сутенеров и проституток, поменявших свои жизненные идеалы. Как бы предвосхищая конец света, на плебейское торчание у ворот дома.

Пройдя суды опекунских инстанций, Ира удовлетворилась безмятежным существованием ради нирваны счастья с заезжим женатым офицером. В этом полном вакууме она могла существовать бесконечно, бравирова своими грязными связями, недюжинными внешними дан-

ными, стараясь выступить в роли лидера, ускоряющего развитие истории в направлении безудержного прогресса.

Русоволосая, внешне очень напоминая своего отца, она старалась все-таки избавиться от привычки смазливой, кокетливой от природы, фигуристой матери, похожей на француженку из Латинского квартала, Монмартра или Сен-Дени, переезжать каждые две недели к новому сожителю. Чтобы затем получить где-нибудь любую, мало-мальски приемлемую квартиру, из-за которой в молодой семье возник спор между ее биологическими родителями.

Они в итоге отдали Иру на попечение пожилой, но еще не слишком старой, измученной трудом, бабушки.

Наконец девушки-театралки, понимая тщетность своего внутриутробного существования, втроем дошли до набережной Космонавтов. Перед ними расстиралось необозримое белое пространство местами замерзшей реки, но, из-за внезапно наступившей оттепели, медленно начинающей оттаивать. Трехкилометровый мост – самый крупный в Европе – с двухсторонним движением, высокими опорами-быками, тремя ажурными перекрытиями в виде распростертых крыльев гигантских птиц, гордо и величаво пересекал самую длинную реку в Европе, соединяя два населенных пункта. Как в задаче по алгебре, где нужно определить скорость движения машины и пешехода, учитывая скорость ветра и расстояние.

Погода в тот день выдалась слабо морозной и солнечной. Сугробы убирались с дорог, а неубранный снег кое-где начал подтаивать, хлюпая под ногами. Заметно чувствовалось приближение долгожданной весны.

– Предлагаю пройти по льду до вон тех островов, – сказала неугомонная и легкомысленная Ира, вытянув руку вперед, показывая наобум на какой-то в серовой дымке неясный объект в километрах двух от берега.

Предполагалось, что это были острова, служившие для любителей рыбной ловли и купаний летом.

– Я согласна, – живо подтвердила подслеповатая с раскосыми глазами Света – очень похожая на казачку: смуглая, приземистая, быстрая в движениях, с жадой приключений. – Смотрите, сколько рыбаков сидят около лунок и ловят рыбу. Мы сможем даже, если что-то случится, обратиться к ним за помощью...

Настя, расстроенная окончательно из-за спокойной неудавшейся прогулки по красивой, слегка припорошенной снегом, высокой, заасфальтированной набережной Космонавтов, с тремя уровнями, удивляясь больному воображению Светы, в ужасе, молча согласилась, понимая, что эта рискованная затея может стоить жизни им троим. Успокаивать родителей и опекунов придется тогда старосте и классному руководителю.

– Дойдем до островов по тропинке, которую уже проложили рыбаки, а оттуда до пляжа рукой подать. Мы пройдем опять по льду... – разрабатывала Ира провальный, головокружительный план, указывая всем, как она обычно делала на уроках, захлебываясь, свое внешнее превосходство и южный темперамент. – Поняли?

Настя молчала с надеждой, что они шутят. А Ира думала, что она поднимала, таким образом, свой авторитет и рейтинг среди ей подобных, как в первобытном стаде, забивая голос разума голосом инстинкта и отсутствия средств передвижения. Как будто оттого, что она говорила, появится по нелепой случайности лед на черных водных проталинах, или толщина льда сразу вырастет, как на Северном полюсе.

– Да, вижу, – поддержала инициативу Света, поправляя очки с минусовой диоптрией. – Там близко. Поднимемся с пляжа по лестнице на мост, а по мосту вернемся домой.

Это объяснение с высокой степенью риска для трех одноклассниц равнялось желанию Светы потопить себя и двух других девушек. Настя вспомнила своих, дожидających ее после посещения ТЮЗа, родителей. Особенно ей было жалко престарелого отца, который всегда

с огромной любовью заботился о ней всю предыдущую жизнь. Да и мама была примером для подражания в трудолюбии и самоотдаче!

Легкомысленная и романтичная Света, по мнению Насти, была книжным червем. Любимой книгой после «Трех мушкетеров» Дюма, которую она давала читать своим друзьям, была «Консуэлло» Жорж Санд. Перечитав всю домашнюю библиотеку, состоящую максимум из десяти мировых изданий зарубежных классиков, она переключилась на чтение научно-популярной литературы о супружеской жизни и интимных отношениях замужних пар.

Как и всех подростков, ее интересовал принцип, по какому супруги находят себе пару, возможная разница между сочетающимися в браке и количество предполагаемых детей. Полностью изучив пару, тройку таких дешевых изданий, она теоретически подковалась для поиска себе предполагаемого мужа «на какой-то промежуток времени», как она сама потом доложила об этом Насте по большому секрету, взяв клятву, никому не говорить о происшедшем разговоре, выспросила у нее мнение на этот счет.

Для Насти, успевшей получить амурный опыт, подобная нелепица вызвала уважение. Но она кое-как сочинила легенду о своей будущей прекрасной жизни со счастливым концом. Связанная устной клятвой, она чувствовала себя ответственной за судьбу Светы, которая любила, как и все нормальные люди, чтобы ее опекали, гладили по шерсти, помогая продвигаться по жизни без трудностей и забот. Как певчая, сезонная птичка, она бы перелетала с ветки на ветку, щебеча и хватая насекомых. Замечая некоторую отстраненность Светы от себя, Ира, самоутверждаясь, стала называть Настину соседку по парте то Свечкой, то ханжой, чтобы вклиниться в небольшое пространство, между, сидящими впереди ее соседками. Хотя пересаживаться от старосты, пользующейся авторитетом, она тоже не хотела.

«Неужели они хотят вернуться засветло», – изумилась мысленно Настя, ежась от сильного ветра, подтачивающего лед, раздувавшего, выпавший недавно, снег.

– Настя, а ты что молчишь? – спросила Ира, давая ей слово, после своей изумительной речи.

– Смотрите сколько впереди растаявшего льда... – взглядом Настя указала на большие черные проталины впереди. – Это полыньи. Они преграждают нам дорогу, – стараясь врезаться в ответный разговор шантажирующих ее подруг, сказала она грустно, мечтая поскорее вернуться домой, воспринимая игру воображения Иры, как приступ очередной меланхолии.

– Ерунда, – ответили обе и Света, и Ира, хватаясь за слова, как за спасательный круг.

– Ты идешь с нами? Тебе что родители дороги? Так и скажи... Они же у тебя старые... – Света стала откровенно и цинично издеваться над дочерними чувствами Насти.

В этот момент Настя хотела бы увидеть дорогих сердцу родителей и обнять их.

«Света окончательно потеряла рассудок. Но родителей ведь не выбирают... Пусть они у меня, по ее личному мнению, старые, но гораздо красивее, умнее, добрее и лучше всех родителей в мире вместе взятых», – успокаивала себя Настя, всеми силами желая отомстить за оскорбления, нанесенные порядочным, интеллигентным людям трусливо, за глаза.

«Посмотрим, на что ты, Света, способна!» – со злостью решила Настя.

– Да, – одним словом, как на суде, перед прокурором, подтвердила Настя неистощимый ажиотаж Светы и Иры, пытаясь понять свое предназначение перед богом и людьми.

– Тогда идем, – еле выговаривая, боясь неизвестности, сказали вопрошавшие одноклассницы.

– Будем держаться все вместе. Если что случится, кричите: Спасите! Помогите! Тону, на помощь! – предупредила Настя, создавая собственный артикул спасения, в надежде быть, наконец, понятой, полностью отрешенными, запутавшимися в собственные отношения, девушками.

– Помогите! Спасите! – повторили Света и Ира нравоучительную мораль, моментально придуманной Настей самодеятельной басни.

«Пойду с ними», – быстро решила про себя осмотрительная Настя. «Отступать – значит струсить. В крайнем случае, помогу им выбраться из полыньи. Где наша не пропадала! Чему быть того не миновать».

Правильная и целеустремленная девушка, задавленная инициативностью подруг, надеялась на какой-то мировой разум и взаимопонимание. Ревновать к Ире, запарившуюся от пешеходной прогулки, с хулиганскими наклонностями соседку по парте она не стала. Так как поняла их патологическую тягу друг другу, которая со временем могла вылиться в лесбийские отношения с постоянным придумыванием ласкательных кличек, неоднозначными взглядами, прикосновениями, совместимостью взглядов, места проживания, разговорами, касательно похожести на противоположный пол и желанием воспитывать вместе ребенка. Что в последствие случилось, продолжаясь долгие годы, доведя обеих женщин до разводов с «временными», как они обе решили для себя, мужьями.

Постояв немного у края нижней асфальтированной набережной, рядом с высокой ротондой, где летом можно было нырять и купаться, они втроем ступили на утопанную тропинку, проложенную любителями рискованных прогулок и рыбаками без надувных лодок или других плавательных средств. Они пошли друг за другом. Ира возглавила, по возникшей случайно привычке, поход. Правил поведения весной на слабо замерзшей реке они с собой не прихватили.

– Что-то начало таять, – сказала Света, отступая от следа и наступая в пушистый боковой мягкий слой льда. – След наливается водой... Смотрите!

Все боковые следы Светы медленно наполнялись талой речной водой.

– Да, я вижу. Не надо отходить от тропы, – посоветовала Настя, жалко ретируясь сзади. – Я боюсь идти дальше!

Она остановилась, наблюдая, как «бесстрашная» Света отбегала от тоненькой тропки, топая ногами по едва замерзшему льду.

– А я нет! Давайте упадем на спину, оставим здесь свои следы, – совершенно теряя рассудок от бескрайней белизны и яркого солнца, бившего прямо ей в лицо, требовала Света, эгоистично демонстрируя свое теплое осеннее пальто, зимние сапоги и меховую шапку.

Ей было жарко. Казалось, она хотела раздеться и искупнуться в ледяной воде, как морж, понырять, а потом лечь на льдину, стяхнувшись, позагорать на солнышке.

Настя была одета по-весеннему в новую, черную, импортную куртку на ворсистой, шерстяной подкладке, резиновых сапогах и берете ярко-оранжевого цвета. Выглядела спортивно, не мерзла, но рыхлый снег, попадая за края коротких сапог, таял, создавая неудобства при ходьбе. Она несколько раз останавливалась, снимая то один сапог, то другой, вытрясала ледяные комочки, не успевшего растаять, снега. Отставая периодически от одноклассниц, она снова догоняла их, чтобы не потеряться в снежных оковах.

Воздух на солнце прогрелся, температура была около нуля, поэтому лед растрескивался быстро.

– Я боюсь, – повторила Настя, понимая истерическое желание Светы довести любого до бешенства.

– Смотри, след снова наливается водой! – кричала в восторге от неосознанного риска задорная Света.

Они шли вперед, увлеченные азартом, без всякого смысла.

«Кто вас двоих будет спасать, если вы упадете под лед первыми? Неужели я?» – в ужасе, понимая крайнюю степень рискованной ситуации, осознала Настя.

Ира в теплом, зимнем, драповом пальто с песцовым воротником, купленным ей родительским комитетом на собранные деньги, и сапогах, полная несбыточных надежд, маячила впереди. Она настойчиво продолжала свой, избранный ей маршрут, увлекая за собой тупой, бессмысленной предприимчивостью, ура-патриотическим задором и желанием быть спасен-

ной прекрасным ледяным принцем на белом коне с развивающейся гривой среди Волжских просторов на огромном расстоянии от берега. Она выглядела старше своих лет, так как была гораздо упитаннее. Гробовая тишина ледяной многокилометровой реки не смущала девушку.

– Где? Покажи? – спросила Ира настойчиво.

Она первый раз обернулась, когда они уже прошли более пятисот метров от берега, не догадываясь, что перед островами и около пляжа, куда они втроем нацелились, развернутся огромные полыньи.

– Вот! – ответила громко Света, со всего размаха наступив рядом, тут же оказавшись по грудь в ледяной стихии, так как лед от ее сильного прыжка и веса надломился, лопнул, куда она упала, едва держась за самый край, образовавшейся трещины.

– Вижу! Помогите! Спасите! – закричала Ира, которая успела быстро подбежать ближе, чтобы рассмотреть, наполненный ледяной водой, след.

Она тут же рухнула всей своей тяжестью рядом со Светой под воду в образовавшуюся черную прорубь, похожую на адские скрижали.

Настя внезапно в ужасе увидела двух беспомощных одноклассниц в зимней утепленной одежде, бултыхающихся в ледяной воде, как моржей.

«Убежать, спрятаться от этого кошмара... Но что скажут родители и учителя, когда узнают, что их дети утонули? Нет, надо срочно спасать, как делала мама во время войны, спасая солдат и офицеров с поля боя», – мелькнула в голове у Насти счастливая мысль, понимая тяжесть выпавшего на нее испытания.

– Сейчас помогу, – сказала она, срывающимся на морозе, голосом, протянула руку Свете, чтобы вытащить сначала одну жертву из проруби, а потом спасти другую свою одноклассницу.

Но Насте в полный рост было невозможно достать до края проруби, поэтому она присела на корточки, начав скользить по краю проруби, а Света никак не могла ухватиться за ее руку, продолжая еле держаться, находясь по грудь в ледяной воде.

– Подойди ближе, – говорила Света, не понимая, что и Настя могла тут же оказаться в ледяном плену.

– Сейчас, выберу удобное место, – ответила подруга, протянув снова тонкую руку, тонущим в ледяной, черной воде, девушкам.

Едва схватившись за кисть Настиной руки мертвой хваткой, Света истощным голосом, как будто таила этот крик всю предыдущую жизнь, снова закричала:

– Давай другую руку, так легче будет тащить... Давай скорее руку... – повторяла она. – А то мы утонем...

С огромными усилиями Настя, скинув на снег заиндевевшую варежку, мужественно протянула вторую руку. Она сразу стала пятиться на корточках назад, как на лыжах, делая длинные шаги, чтобы облегчить себе задачу по спасению когда-то бойкой и настырной, как ослица, Светы.

Ира в это время в полном отчаянии и страхе держалась за край льдины руками, наблюдая за происходящими событиями. Охваченная черными водными тисками, Света выползла на крепкий лед, оставляя за собой длинный мокрый след, при громадном усилии бесстрашной Насти, которая совершала невероятный подвиг, спасая жертву гораздо тяжелее себя, промокшую до нитки. Она заметила, что запыхавшаяся Настя хочет все-таки спасти вторую одноклассницу, наконец, поняла к своему стыду, что сама организовала «зимнее купание» на расстоянии километра от берега, привлекая внимание Иры к своей драгоценной особе.

Она решила поучаствовать в спасении, отстранив в состоянии аффекта руку, протянутую Настей Ире, вытянула свою замерзшую руку, чтобы как-то загладить вину и, тем самым, попросить прощение у бездарно одураченной Иры.

– Не надо сейчас помогать. Я сама постараюсь вытащить Иру. У меня еще остались силы, – резко сказала она, дрожа от холода

Но им было не до сантиментов, когда Ира, с силой хватаясь за руку и рядом лежащие крепкие льдины, медленно выползла из воды, преодолевая боль от холода. Драться за спасение второй одноклассницы посередине бескрайнего ледяного речного пространства Настя не стала. Она с небольшим облегчением наблюдала, отряхиваясь, обдумывая дальнейший план выхода из скрижалей ледяных речных торосов. Никаких рыбаков с лодками или средствами спасения рядом не было, лишь вдалеке маячили маленькие черные точки.

– Пойдемте быстрее, а то замерзнем. Снова окажемся в воде, – поторопила твердо, с достоинством Настя.

– Острова гораздо ближе, чем берег, – продолжала настаивать Ира. – Почему ты не идешь? – спросила Ира, обращаясь к Насте, заметив, что та ищет что-то на льду.

– Сейчас найду свою варежку, – ответила Настя.

Еле согнувшись, она подняла со снега, вязанную мамой, рукавичку, примерзшую к наледи, надела на руку.

Они, перемежаясь, в ряд, двинулись снова вперед. К своему ужасу обнаружили себя в метрах пяти от огромного озера посередине Волги. А за озером черной полоской лежали острова. Тут же Настя, заметив рыбака вдалеке, возвращающегося со всей амуницией с рыбалки, закричала со всей мочи, повторяя вопрос дважды, чтобы рыбак услышал ее:

– Как нам добраться до моста?

– Спасите нас! – подтвердили еле слышно Ира и Света, промокшие искательницы приключений.

– Мы заблудились. Помогите нам! – снова закричала Настя, теряя самообладание.

– Давайте вправо, обойдите вон там, – рыбак указал в сторону пустого белого пространства. – Около пляжа будет лужа... В нее постарайтесь не попасть. Там очень глубоко. Метров двадцать глубины.

Настя не верила своим ушам. «Неужели появился шанс на спасение!» – она решила мучительно.

Замерзшие девушки, получившие указания от опытного рыбака, стали искать хорошую тропку в сторону моста, чтобы быстрее выйти из надоевшей, как триллер, ситуации. Через полчаса, обогнув две огромные полыньи, с успехом ступили на пляж, занесенный снегом. В мокрой одежде, сильно окоченевшие, они поднялись по лестнице, пошли по мосту в сторону города.

Двигались молча. Машины проезжали в обе стороны. Хлесткий ветер обдувал их со всех сторон. Ни одна из них не понимала, что возможны осложнения, которые могут тяжело сказаться на здоровье. Ира была удовлетворена. Она получила, что хотела: заряд адреналина и рискованную обстановку. Воспаление легких ей было обеспечено, так как она дольше Светы проторчала в ледяной жиже.

У Насти терпение закончилось. Ноги в резиновых сапогах давно промокли. У нее оставалась надежда, что молодой организм справится с холодом и ветром. Куртка не продувала. Она с презрением смотрела на одноклассниц с подмоченной репутацией. Они, как мокрые курицы, побитые, с кислыми выражениями лиц, с трудом передвигались по тротуару на разных сторонах дорожного покрытия моста. Периодически останавливались, выливая из карманов капли, стряхивая воду с верха одежды, выжимая края заиндевелых, драповых, теплых пальто, напоминая своим видом французов, гонимых из Москвы холодом и пожарами.

– Если умру, завещаю свои книги тебе, Света, – трясаясь от холода, сказала в нерешительности Ира, поглядывая, как та постоянно размахивает полами одежды, чтобы быстрее проветрить для просушки.

Такая щедрость вызвала у Насти отчуждение и концентрацию воли.

– А я тебе... Ты отжимай, отжимая воду, чтобы легче было идти, – заботливая Света советовала Ире, когда та окончательно промокла со своими сногсшибательными идеями.

Они каким-то чудом спаслись, не утонув, но хорошее впечатление от просмотренного спектакля исчезло навсегда. Благодаря провидению и спасшей их Насте, взбалмошным подругам – Ире и Свете – удалось вылезти на скользкую площадку льдины, пройти по заснеженному пляжу в мокрой, тяжелой одежде, подняться по лестнице на мост, преодолеть еще два километра и вернуться в город. Они, преодолевая усталость, добрались до остановки автобуса. Когда подъехал нужный маршрут, поднялись в салон, но присаживаться на сиденье не стали, чтобы не примерзнуть. Мороз и ветер превратили их одежду в ледяную корку. Домой вернулись порознь. Настя появилась в пять часов вечера в уютной комнате, хорошо протопленной газовой печкой. Отец, как обычно, ждал ее с нетерпением. Он не волновался, что дочь могла пропасть, как соседка – Галина Безбеднова.

– Что так долго продолжался спектакль? – спросил Борис Павлович, удивляясь столь позднему появлению дочери дома.

– Мы ходили прогуляться по набережной, – ответила Настя, нервничая, ругая себя за неумение быть принципиальной и отсутствие дисциплины, о которой постоянно говорила Нина Афанасьевна.

– Кушать хочешь? Садись, поешь что-нибудь или выпей чаю, – предложил отец терпеливо, заметив, что у нее все сапоги мокрые внутри.

Настя поела щи, выпила горячий чай. Одинокaя обида сидела внутри нее, а сильная усталость мешала думать.

– Сапоги у тебя сырые. Надо просушить. Как ты пойдешь завтра в школу в мокрых сапогах после каникул? – спросил отец, глядя, что она села около печки, стараясь согреться.

– Может быть, высохнут до завтра, – выбирая слова, ответила она с неимоверной злостью на саму себя.

Рискованная четырехчасовая прогулка по треснувшему льду запомнилась ей на всю жизнь, но она все-таки сумела сделать соответствующий вывод на будущее: не присоединяться к стихийно создавшейся компании, цель общения которой не несла никаких полезных качеств или дел. На другой день Настя и Света пришли на занятия без опозданий. Они чувствовали себя отдохнувшими после каникул, но Ира долго не появлялась в школе, так как тяжело заболела воспалением легких. Но все-таки выздоровела, избежав больницы.

– Приходите ко мне на премьеру во Дворец пионеров, – пригласила Настя своих спасенных одноклассниц посмотреть спектакль силами талантливой молодежи.

Насте показалось, что после того случая у подруг будут какие-то более логичные и мотивированные поступки, но посещать кружки по интересам им было лень.

– Что за спектакль? – возник вопрос у старательной Светы, а Ира глубокомысленно с цинизмом разглядывала фигуру.

– «Судьба барабанщика». Очень хорошая постановка и декорации, – ответила как можно скромнее Настя, так как, чтобы собрать своих подруг, требовалась сильная воля и авторитетное влияние взрослых.

– Придем, давай пригласительные билеты, – согласились обе подруги.

– Можете пройти без билетов. Вас пропустят, как моих знакомых. Я выйду и проведу вас в зал. По билетам дают подарки, – обрадовала Настя девушек. – Вы же не дети. Конфеты можете взять с собой.

– Если только будет в воскресенье, тогда придем, – демонстрируя свою занятость и начинанность, сказала Света.

– Да, в воскресенье. Но когда узнаете меня на сцене, то не хлопайте слишком громко, – засмеялась Настя от радости, что может как-то поздравить одноклассников с прошедшим Новым годом. – Хорошо?

– Мы посмотрим и тебе скажем впечатление.

Подружки согласились, и все вместе понеслись не на искрометный спектакль с Дедом Морозом и Снегурочкой, а на серьезную постановку силами подростков для старшеклассников. В воскресенье Настя встретила своих протеже у входа и провела в зрительный зал мимо дежурных.

– Хорошая пьеса, – в один голос поделились Света и Ира своим мнением с участницей спектакля в перерыв, когда она подошла к ним.

После волнующего просмотра они втроем отправились домой, а не на прогулку по замерзшей Волге. Так у Насти выработалась хорошая дисциплина, взаимопонимание и доверие, как среди подруг, так и дома с родителями. Она продолжала учиться, соблюдая правила поведения в общественных местах.

* * *

Генерал Кедров, заслушав доклад о криминальной ситуации в доверенном ему районе от оперативников, отложил дело об убийстве рубщика мяса Романенко в сторону.

– Принимаю вашу версию, что убийцей оказался его коллега по работе – Вахрушев, так как все доказательства его вины налицо. Тем более все продавцы подтвердили, что никто к нему кроме этого кровожадного сотрудника в течение дня не подходил близко, что доказала камера видеонаблюдения. Поэтому на основании вашего убедительного доказательства буду краток. Внесите эти данные в свои черновые записи, а затем пусть дежурный отправит немедленно уголовное дело на рассмотрение в прокуратуру. Мы будем присутствовать при обсуждении вашего доклада на городских слушаниях. Результаты узнаете, когда состоится суд. Но если вы провели задержание подозреваемого преступника, так тому и быть. Можете считать, что, – генерал Кедров сделал небольшую паузу, выпив стакан с минеральной водой, поставленный перед ним заранее секретарем, – ваша миссия в расследовании и поиске лиц, замешанных в этом сложном деле, закончена.

VII

Ухажеров у красивой, грациозной девушки хватало. Еще в школе за ней ухаживал на переменах «главный бандит» и верзила, смущая девушку своим появлением во время урока. Он жил на их улице со своей сожительницей – продавщицей обувного магазина – высокой, жизнерадостной блондинкой.

Настя едва успевала отказывать в свидании всем одноклассникам, кто дружил с ней на переменах. Однажды в дни школьных весенних каникул, когда еще был жив их отец, а она с родственниками не так часто посещали местное кладбище, Настя с мамой отправились на пароходе «Дмитрий Фурманов» прокатиться до Волгограда.

Там произошла удачная встреча без нравоучений с прежним другом – Сашей, его старшей сестрой и молодой матерью. Они путешествовали на том же пароходе, тем же классом, но в соседних каютах. Тогда у обеих мамаш при посадке и размещении появилось внезапное желание устроить Настю с ее старинным другом вместе на одну верхнюю полку для экономии пространства каюты.

– А если кто-то из нас двоих упадет с полки, – спросила тогда испуганная Настя, разговаривавшая в виду отсутствия кавалера.

– Не бойся, места всем хватит, – заявила мать Саши.

Женщины сразу отбросили эти никчемные предрассудки. При детях они старались не болтать о пустяках. За ними увязался близкий друг матери девушки и ее крестный, аспирант Медуниверситета – Мантрыгин – высокий, крепкий, лысоватый мужчина, будущий ученый, отец которого был капитаном этого старинного парохода. Он стал назойливо преследовать Настю во время прогулок на палубе, фотографируя, рассказывая о сложностях семейной жизни, взаимоотношениях между супругами и любовниками, рекламируя свои заурядные внешние данные.

– Мы с тобой так подружились, что можем перейти на более близкое знакомство, – продекларировал аспирант, поцеловав осторожно девушку в шею.

Настя удивилась несказанно.

– О каких интимных отношениях мне нужно знать? – спросила Настя, заинтригованная следующим шагом взрослого мужчины, стремящегося завести адюльтер с подростком, чтобы придать своему виду более значительное понимание со стороны пассажиров парохода.

От этого ей стало ужасно совестно перед окружавшими их отдыхающими за свое поведение.

«А вдруг кто-нибудь заметит этот проступок?» – промелькнула у нее каверзная мысль.

Из-за корпуса кормового отделения на второй и верхней палубе выскочил тот самый мальчик, с кем она, как догадалась, встречала когда-то Первомай. Он крикнул кому-то, пробегая мимо с молниеносной скоростью:

– Я их нашел.

– Это тебя? – спросил недоуменно Мантрыгин, задушевно обнимая девушку.

– Наверно надо срочно идти на ужин, – ответила Настя скромно, начиная привыкать к его назойливым ухаживаниям и занудному вмешательству в личную жизнь.

Своими откровенными манерами аспирант подкупил и вскружил голову юному созданию. У Насти было страстное желание выяснить у пожирателя сердец, кем она ему приходилась по статусу, поэтому она спросила его, стесняясь, на ушко:

– Кем я тебе прихожусь?

– Любовницей, – неожиданно ответил аспирант, глядя на нее в упор.

Она старалась не замечать некоторого цинизма в его выражениях, так как слишком щекотливой была сама ситуация. Они немедленно сдружились, прогуливаясь вместе по палубе,

наслаждаясь теплым, весенним ветерком и великолепными видами волжских просторов. Она была в куртке, шерстяных брюках, красных потертых босоножках, а он – в приличном дорожном костюме и ветровке.

– Сколько тебе лет? – хотел выяснить молодой хирург.

– Четырнадцать, – соврала Настя беспечно, чувствуя себя незащищенной, прибавив всего три с половиной года.

– Можно сомневаться, – прозаически раскрыл ее тайну взрослый ухажер.

– Прости, но надеюсь, что мы останемся друзьями, – изрекла она с детским пафосом.

Они друг за другом, когда никого не было рядом, встали на самом носу судна, как учил всех отдыхающих руководитель развлечений, рассказывая легенды, демонстрируя на деле свои способности. Раскинули руки в стороны по морскому обычаю, чтобы сохранить дружбу на долгие годы на суше.

– А теперь кто мы? – задал тот же вопрос аспирант-медик.

– Влюбленники, – перепутав слова «влюбленные» и «пленники», быстро произнесла девушка.

Посещение прекрасно оборудованного, с белыми скатертями на круглых столах, ресторана на носу парохода, проживание в каюте, вызвало гораздо меньше эмоций, но тоже доставило немало приятных минут всем пассажирам, кто разделял с ними этот небольшой круиз. Там Настя, тревожась, надеялась на случайную встречу со своим давним знакомым, с кем познакомилась, когда ходила на Первомайскую демонстрацию с сотрудниками мамы. Но, увы! Она обошла вокруг все палубы, но к своему великому сожалению не встретила его.

Мама в это время оставалась сидеть на кресле, наслаждаясь видом необъятных речных просторов, беседуя с отдыхающими пассажирами, сидевшими рядом. Однако маленькая надежда увидеть старого приятеля у девушки оставалась. Долгожданная мимолетная встреча состоялась, хотя в непредвиденных обстоятельствах. Наконец в тот же злополучный вечер она узрела совершенно четко того самого сметливого паренька, с которым гуляла на Первомай год назад. Всей семьей они аппетитно поглощали ужин в ресторане, на который она с Мантрыгиным, увлекшись поцелуями, опоздали.

– Пойду в каюту, – сказала она дотошному любовнику, – голова разболелась.

– Завтра встретимся там же, на палубе, – с патетикой ответил, увлеченный любовной интригой и взрывом эмоций у своей несовершеннолетней подруги, аспирант-медик. – Обязательно переоденься перед выходом на сушу... Хочу тебя сфотографировать в юбке...

– Боюсь, что я тебе разонравлюсь, потому что у меня слишком худые ноги, – сказала совершенно испуганная девушка.

Эти слова подействовали на аспиранта с точностью до наоборот. Он с силой привлек ее к себе.

– Не волнуйся, пожалуйста. Я привык к разным видам, но ты выглядишь очень хорошо... – сказал будущий профессор в полной уверенности, что она поверила ему.

Они встречались после каждого посещения ресторана и шли вокруг по палубе, что скоро надоело им обоим. После прогулки по помпезной набережной Волгограда, украшенной впечатляющей квадратной ротондой, и посещения достопримечательностей одного из красивейших городов Поволжья, Настя вернулась, ощущая себя обновленной и похорошевшей. Статный аспирант испарился вместе с возвращением в родной город. Он решил продолжить свои медицинские исследования, чтобы защитить диссертацию.

В день приезда она получила напутствие от отца для своей дальнейшей карьеры, который назвал ее «легкомысленной девушкой». За что он присвоил ей этот титул, она так и не поняла до конца, но отнесла это на строгость воспитания.

За время их отсутствия младший брат отца – высокий аскетичный мужчина – в большой тайне от жены и двоих сыновей, появился с подругой у них в коммунальной квартире. Они

поужинали и провели там ночь за рюмкой «чая». Из квартиры исчезла стопка детских книг, сумочка, лаковые туфли, резиновые сапоги, одеяло, два хрустальных фужера.

– Мне сумочка все равно надоела, – прокомментировала Настя исчезновение нужной вещи.

– Оба фужера разбились, – объяснил отец.

– Кто же так испачкал простыни? – возмущалась Нина Афанасьевна, стыдливо рассматривая постельное белье после приезда.

– Понятия не имеем, – в один голос, громко ответили отец и сын, неестественно улыбаясь.

– Неужели у Кости столько энергии, что он вместо того, чтобы найти себе съемное жилье, как делали все порядочные женатые мужчины, которые заводили себе любовниц, явился к нам на постой, пока мы с Настей отсутствовали? – спросила Нина Афанасьевна с жаром, затеявая стирку.

На девушку такая длинная и витиеватая фраза произвела сильное впечатление. Особенно слово «энергетика» отозвалось в сердце недопониманием. Спросить, чтобы узнать его значение и смысл сказанного, она решила чуть-чуть позднее.

– У него все спланировано... – оправдывался отец, стараясь загладить вину изобретательного, хваткого, но перспективного родственника, который пользовался большой популярностью у женщин особого круга.

– Что за энергетика у дяди Кости? – поинтересовалась Настя следом.

– Он очень большой начальник... Ему приходится много работать и зарабатывать... – отец сделал паузу.

– Его наверно повысили в должности? – удивилась Нина Афанасьевна.

– Да, вроде того. Но я слышал, что они хотели разойтись с женой, когда недавно приехали из области... Даже подали заявление в ЗАГС. Он собирался покупать здесь земельный участок на берегу Волги и начать строить дачу... У него есть два сына. Одному скоро будет восемнадцать, как твоему брату, а другому – десять... – отец перевел разговор на другую тему.

При этих словах Настя разрыдалась бы, если бы ни мимолетное увлечение аспирантом-медиком Мантрыгиным,

– Интересные у меня появились родные, – ответила дочь в ударе от такой важной информации о возникших на горизонте родственниках – двух кузенах, которые вовсе не стесняли ее свободу.

– Сможешь на них опереться в жизни, – подбодрил отец.

– Сразу два двоюродных брата выискались... – сказала она, копируя манеру отца разговаривать.

Борис Павлович стоял, упершись спиной на светло-желтый, с зеркалом и стеклянными дверцами буфет, откуда пропал хрусталь.

– Надо вас познакомить... Старший сын остался в селе оканчивать школу, – продолжил отец наставительно.

– У меня каждый день уроки и театральный кружок еще не бросила... – высказалась она весомо.

– Выберем время, сходим их навестить. Но учти, что с ними проживают пожилые родители твоей тети. Надо быть повежливее... – предупредил отец.

Дальнейшее приятное знакомство со своими кузенами далось дальновидной девушке с легкостью, учитывая опыт предыдущих встреч в светском обществе. Она с ностальгией предвкушала узнать характер парней, чтобы обсудить хобби и наболевшие темы по учебе.

Как и обещал отец, однажды днем они посетили дальних родственников, живущих в районе набережной, но застали только младшего брата – высокого, русоволосого парня, когда он закончил делать примеры из учебника по алгебре.

– Как твои дела в учебе? – спросила Настя с видом учительницы, так как была его на год старше.

– Вот смотри, – он протянул ей тетрадь с домашним заданием. – Сам сделал. Можешь проверить.

Настя внимательно изучила алгебраические расчеты, написанные аккуратным детским почерком, но пересчитывать не стала.

– Молодец! У меня тоже одни пятерки по математике, – призналась она гордо. – Но литература увлекает гораздо больше. При том у нас отличные учителя.

– Кому что нравится, – заверил двоюродный брат.

Парень убрал тетрадь в портфель. А девушка заметила в его комнате большой книжный шкаф набитый сверху донизу учебниками по высшей математике, физике, гидротехнике, тракторостроению разных авторов и годов изданий.

– Сочинение по заданной теме посмотрю у тебя в следующий раз, – воодушевила она его.

– Это нам редко задают, – успокоил он сестру.

Борис Павлович с дочерью ушли из дома Константина Павловича с надеждой встретиться с родителями кузена в другой, более благоприятный день. С нетерпением дочь добивалась от мамы фотографий со своего примитивного аппарата, сделанных аспирантом Мантрыгиным. Хотя он надоедал ей медицинскими высказываниями за время плавания по Волге. Как-то медик вернул пленку, которую обещал проявить, но ей самой пришлось проявлять и распечатывать снимки. Тот романтический адюльтер заставил девушку смотреть на врачей, особенно мужчин, глазами аспиранта. Настина мама проследила за карьерным ростом Мантрыгина. Она изредка докладывала дочери о некоторых фактах из его биографии: женитьбе по расчету, переход на другую должность в стационар клиники, развод, понижение по службе, смена обязанностей врача на фельдшера. Но оказалось, что это только сказки для неуравновешенных детей.

Но так случилось, что в летнюю поездку на десять дней к Черному морю в Адлер купе Мантрыгина с женой и ребенком и семьи Насти: брата и мамы оказались по соседству. Он был безмерно рад такому стечению обстоятельств, выглядел солидно, по-мужски, продолжая ухаживать за девушкой, угощал яблоками на остановках, когда Нина Афанасьевна с Петром ходили обедать в вагон-ресторан. Громко рассказывал всему обслуживающему персоналу, что собирается провести целый месяц на побережье, чтобы поправить здоровье наследника:

– Участились простудные заболевания у детей. Вот поэтому мы едем отдыхать на юг.

– Он у нас вполне здоровый мальчик! – восклицала его жена – такая же внушительная особа.

Борису Павловичу из-за перебоев в работе сердца врачи наотрез запретили менять климат, поэтому он остался дома заниматься своими журналистскими расследованиями.

* * *

Вскоре состоялась золотая свадьба бабушки – Афанасия Филипповича и бабушки – Анны Абрамовны – мамы и папы Нины Афанасьевны. Старики-пенсионеры разослали открытки всем дальним родственникам в Сибирь с приглашениями. Борис Павлович уговорил своего знакомого фотокорреспондента, чтобы тот сделал снимки на память, а сам написал в центральную газету очерк: «Есть такая семья», рассказывающий о жизненном пути пожилых людей с фотографией в окружении детей. Нина Афанасьевна отправилась помогать готовить на праздничный стол обыкновенную картошку, капусту, пироги с ливером, урюком, яблоками и плюшки, что у нее получалось особенно хорошо.

Стол был накрыт во всю длину большой комнаты. Во главе сидели юбиляры, затем дети. В самом конце внуки. Явились все соседи, даже те, кого не приглашали, но хотели попробовать хваленых пирогов с начинкой. Из Сибири приехал племянник – сын родной сестры бабушки, которая вышла замуж за пленного австрияка со времен Первой мировой войны. Он привлек

внимание своим красивым и холеным внешним видом. Тот шушукался со стариками, надеясь найти общий язык, но получил отпор.

Зато сноха Валя – жена младшего сына-фронтовика, проживающего с ними вместе – с радостью подключилась к разговору, надеясь со временем извлечь выгоду от знакомства или хотя бы пофлиртовать на досуге с тем, кому никто не оказал должного внимания и уважения из-за отсутствия подарков старикам.

– Он такой симпатичный, – съязвила она. – У него есть хорошая привычка – навещать старшее поколение, – сказала она косноязычно, намекая на не слишком правильное воспитание своего мужа-фронтовика, который, крепко выпив, чуть не подрался с гостем из Сибири, приревновав к собственной жене.

Племянник быстро собрался, схватил свой громоздкий чемодан и с шумом уехал восвояси на другой день в свой родной Сибирский город.

На золотой свадьбе, где собралось человек двадцать пять – тридцать, подружились все взрослые, обсуждая меню, щедрость, благообразный вид хозяев – дедушки и бабушки. Настя обратила внимание, что дальняя родственница по отцу не на шутку увлеклась фотографом, к кому они вместе с отцом ходили в гости, изучая азы профессионального фото, позировала ему перед всеми.

Старший сын-фронтовик – Иван с женой немецкого происхождения, с кем он познакомился в самом начале войны, когда стал разведчиком, проникнув в агентуру Абвера, – не приехал, но прислал поздравительную телеграмму. Дедушка и бабушка оделись в лучшие по тем временам наряды, вынутые из сундука. Они с гордым видом восседали, пока гости поглощали бесплатные угощения. Все проходило торжественно и культурно. Поздравления сыпались, как из рога изобилия. А у Насти остались замечательные собственные снимки, подаренные ей отцом на вечную память.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.